

СМЕНА

№ 8 АПРЕЛЬ 1972

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

**ШАГИ
В МИР
ДОСУГА**

Комсомольский характер

Игорь АКИМОВ, специальный корреспондент «Смена»

РОЗОВЫЕ ГОРЫ, БЕЛЫЙ СНЕГ...

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Работа не имеет конца. Вещь — кончена. В какой-то момент она переполняет твоим знанием, уменьшилась, вкусом и трудом и отделяется от тебя. Прибавить нечего. Ты сделал, что мог. И теперь на свете больше одного скопированного молотком или электронной машиной. Сделанная вещь начинает жить сама, и теперь, коли есть нужда или охота, можно браться за другую вещь.

А работа бесконечна. Все ее никогда не переделаешь. Она течет, как река, как конвейерный поток, ты не выполняешь положенный урок, значит, его придется делать за тебя кому-то другому.

Это ночные мысли. Бывает, они приходят и днем, но если ночью в них находишь опору и утверждение своей правоты, то днем это только сигнал усталости, что-то вроде предупредительного жгущего света.

Рановато меня потянуло сегодня на эти мысли, думает Ваня. Но в его внутреннем тоне нет удивления (день выдался не легкий и не пустой), а скорее усмешка, чуть ироническая к себе отношению. Что жалиться понапрасну! Дел еще предстоит много, и он их сделает все, сделает сегодня, раз уж на сегодня не хватило, раз все они связаны с людьми... Если работу откладывать — сегодня одну, завтра другую, — то в конечном счете этот груз тебе становится не по силам тащить самому. И тогда кто-то должен взвалить твою ношу на себя. А этого Ваня никогда бы не позволил.

Но с чего же все-таки началось? Ведь что это же послужило толчком для этих мыслей!

Ах, звонок! Ну, конечно же. Наверное, он уже гремел несколько мгновений, потому что по коридору уже шли толпой девушки-чернышницы из их ИБ, с лицами, словно бы посветлевшими; словно едва они отворились, отделившись от суматохи до завтрашних 8 часов утра, как тут же внутри них щелкнуло и раскрылся какой-то замок; и они, вдруг раскрепостившись, стали собой. Передать бы в красках этот сложный свет: неоновый свод коридора, голубые блики пластика и усталое предчувствие неба, которое, проснувшись через огромные стеклянные поля окон, не высветляет лиц, а, напротив, гасит их, кладет на них тень... И это отчетливо слышно на лицах паровоз из одного психологического состояния в другое... «Е, Ваня, е! — говорит себе он... Передать же это в красках ты уже не смож бы, че, да и не тебе теперь это дело.

Уже пять часов. Это звонок — ровно в пять... А ведь это не просто пятничасовой звонок; это знак об окончании рабочего дня. Но как давно он перестал воспринимать его в этом значении! Когда это началось?

Он пытается вспомнить — и не может. Пустеть ИБ. Последнее происходит между Дежурным обмен репликами: «Ты остывешь, Ваня?» «Надо». «Ну, привет».

Правда, он остается не один. Две-то за спиной, почти у самых дверей, кто-то работает! Осмелев — ведь пусто вокруг, никому не мешаясь, — еле слышно мурлычет модную мелодию. Видно, дело движется.

В этом есть какое-то необъяснимая предельность: работать одному в пустом, залитом призрачным неоновым светом зале. Здесь и днем достаточно тихо, но сознание, что ты не один, как-то замирает. А когда ты уже знаешь, что вокруг никого нет, что улетучился в перспективу зал пуст, когда везде столько света, и тишина, и простора, когда даже мысленно как-то сильно начинаешь течь, то ли

свелеет, то ли легче, но в общем какою-то новое качество появляется в работе. Конечно, главное тут — выигранные минуты, если удавалось, как много счастливых часов вышло именно на эти сверкующиеся вечера и как обидела бы твою жизнь, твою душу и твои мысли, если бы эти вечера у тебя вдруг не стало.

Но сегодня у Ваня Азатана нет срочной работы. Случай довольно редкий, да не такой уж и случай. Он этот вечер заранее планировал, и выкраивал (из семидесяти временного бюджета в том числе), и согласовывал с ребятами. Сегодня у него реальный, но это только шесточасов: он уж знает, что следом так и повалит: если придут все, кто грозился, до полноты отосда не вырвешься. Однако опыт подсказывает Ваню: трудиться всего будет первые два часа; потом все куда-то заспешит, у всех окажутся еще какие-то дела на этот вечер. Если кто и заглянет, так на минуту, не больше, и, глядящий, к девяти он освободится совсем, но радости в этом не будет, потому что и усталости он еще не почувствует.

Вот так и выходит, что девяти для какого-то большого дела, а его как раз и не подвернется. Ваня еще поспит недолго, потом снимет белый халат, погасит настольную лампу, возьмет плащ и пойдет через сияющий неонм зал, и тот, что нависает сейчас песню о ночных розах, отворится на миг от чертешной досочки, потянется до хруста в суставах и скажет: «Ну и работка у тебя, Ваня, с ума сойти». «Е, — скажет Ваня, — хорошая работка. Такая хорошая!»

Но больше он ничего не сможет объяснить, потому что это совсем какие-то особенные слова нужно знать, чтобы передать ощущение своей необходимости другим людям, когда ты им помогаешь жить и находишь свой путь, помогаешь им сделать жизнь осмысленной и цельной. Он не знает таких слов, не его это работа, он привык управляться с вещами конкретными и со словами такими же — конкретными и простыми.

Он спустится в садик, пройдет через гулкий институтский двор, и окажется совсем один на пустой улице вечернего Еревана, и вдруг почувствует голод и какую-то пронзительную опустошенность внутри, словно вся кровь из него вышла. И в который уже раз подумает, что Ереван, быть может, единственный город, который нельзя писать ночью, потому что знаменитый туф его домов поглощает весь свет, и фонари бессильны против неслучайной жаждности этих стен, они плавают где-то высоко вверх — одинокие капли ртутного огня... И тогда он невольно вспомнит свой родной Ленинград, и розовые горы вокруг, и розовые стены, и белый свет...

Ваня слышаватьется. Четверти часа словно и не было. Сейчас ребята начнут подходить: собрание редакторов назначено на пять тридцать, а у него почти ничего не готово... Впрочем, это не совсем точно. Еще на прошлой неделе он придумал, что именно им нужно сообщить. Так что он в общем-то готов.

Ваня в последний раз бросает взгляд на приколотый к доске чертёж, вздыхает (и почему всегда в такие минуты кажется, вот именно сейчас бы и поработал по-настоящему!), выключает рефлектор и придвигает кресло к письменному столу. Сначала займется тем, что прописывал в нем за эти дни. Пока пишет, начинают работать ассоциации; они то навораиваются, как снежный ком, то разветвляются, как ветки зарослей. Ваня, который поначалу покрывали ровные строгие строки, чем дальше вниз, тем торопливнее искривая; оборванные фразы и неопределенные слова торчат, как старушкины зубы; уже завтра для

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО — ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 3 (1078)
АПРЕЛЬ
1972

НАША ОБОЛЖКА:
САМОБРАЗОВАНИЕ.

Фото
Владимира ЧЕШВИЛИНА

ФОТОЧЕРК — ПОТЕХЕ —
ЧАС СМОТРИТЕ НА СТРАНИЦАХ 12—18.

4

ДЕнь СЛАВЫ,
ГЛАВА ИЗ
ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ
КОМПОЗИЦИИ
О ЮРИИ ГАГАРИНЕ.

7

СТИХИ И ПРОЗА МОЛОДЫХ
ВЕНГЕРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

20

НОРВЕЖСКОЕ МОРЕ.
68-й ДЕНЬ РЕЙСА,
ОЧЕРК ЮРИЯ КАЛЕЩУКА
О КЛАПДЕШНИХ РЫБАКАХ.

24

«СИЛУЭТЫ»
НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА
ДОБРОВОЛОВА.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ТВОЯ ПРОФЕССИЯ,
МОЛОДЫЕ КЕМЕРОВСКИЕ ОФИЦАНТЫ
РАССКАЗ ВЛАДИМИРА ЦЫБИНА «ТАЛАНТ»

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ,
ФОТОЧЕРК О РЕКЕ ЛЕНЕ

ЭХО КРАСНОГО РУПРА,
УЛИЧНЫЙ ТЕАТР ФАГ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКТОРЛЮБИ: В. С. Абашиян, Г. П. Епискеев, А. П. Кулефов, А. А. Лихачев [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Поблоносидель, Р. И. Ромашевский, Е. И. Рабинович, Г. В. Семёнов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Ю. В. Тоняшевский, В. Е. Томашевский

Художник Г. С. Терзибашьян Технический редактор Н. И. Будкина

«Популярность — вещь непоправимая. Приходится лишь думать, чему и кому ты ее отдашь» — сказала однажды Юрий Гагарин. И это были не просто слова. Первый космонавт отчаянно искал, чему и кому он обязан своему славе. Он считал своим долгом постоянно подчеркивать, что покорение космоса — это коллективный подвиг ученых, инженеров, техников, рабочих.

Писатель Адольф Дитцхар подготовил для издательства «Молодая гвардия» документальную повесть «Жизнь — приключения первооткрывателя», в которой о жизни Юрия Алексеевича Гагарина рассказывает люди, близко знавшие его. Мы публикуем ее сокращенном виде одну из глав этой книги. В ней о дне 12 апреля — Дне славы — вспоминают ученые, инженеры, рабочие, космонавты — непосредственные участники запуска космического корабля «Восток».

«Все будет хорошо, все будет нормально»

ЮРИЙ ГАГАРИН. В половине шестого Евгений Атомельичев вошел в спальню и легонько потряс меня за плечо.
— Юра, пора вставать, — услышала я.
Я моментально поднялся. Встал и Герман, напевая вступительную песенку о ладках/ах.

— Как спалось? — спросил доктор.
— Как учий, — ответила я.

ГЕРМАН ТИТОВ. Многие удивляются, как это мы могли спокойно спать в ночь перед стартом. Это уже профессиональная привычка — обязательно выспаться накануне полета. Проснулся мы почти одновременно. И день начался, как всегда, с физизарядки. В общем, все шло в привычном режиме. Забракали из туал. Сначала отдавали мыского шпор, потом черноморидного джема и кофе. Юрий не удержался от шуточки.

— Такак шпца хороша только для невосности, а на змеле с не можно противити ноги.
Генерал-полковник авиации **НИКОЛАЙ КАМАНИН.** В шесть утра состоялось заседание комиссии. Оно было очень короткое. Все состоялось с одной фразе: «Замечаний нет, все готово». «Вопросов нет, можно производить пуск».

После заседания я подписал полетное задание космонавту и поиска посмотреть, как идет медицинский осмотр и обследование в скафандры.

ГЕРМАН ТИТОВ. Меня отдавал первым. Юрий вторым, чтобы ему можно было париться — вентиляционное устройство можно было подключать к источнику питания лишь в тот момент.

Кто-то вспоминал слова автобусного Гараса:
— А поворотись-ка, сынуку! Экой ты смешной какой!

Мы взглянули с Юрием друг на друга и, хотя уже поправлялись к скафандрам, не смогли удержаться от улыбок.

ЮРИЙ ГАГАРИН. В это время подошел Сергей Павлович. Впервые я видел его таким озабоченным. Он и усталым, видимо, сказавшая бессонная ночь. Он дал мне несколько рекомендаций и советов, которых я еще никогда не слышал и которые могли пригодиться в полете. Мне показалось, что, поговорив с ним, он стал несколько бодрее.

— Все будет хорошо, все будет нормально, — один голос сказали мы с Германом.

«Ребята, один за всех и все за одного!»

ЮРИЙ ГАГАРИН. Автобус быстро мчался по шоссе. Я еще издали увидел устремленный вверх сербритый корпус ракеты, оснащенный двигателями общей мощностью в двадцать миллионов лошадиных сил. Чем ближе мы подъезжали к стартовой площадке, тем ракета становилась все больше и больше, словно вырастая в размерах. Она напоминала гигантский маяк, и первый луч последующего солнца горел на ее острой вершине.

Слесари-монтажники В. ИВАНОВ. В ночь перед пуском я спал плоховато — такой ответственный

полет! То Стрелки-Белки были, а тут — даже было подумать — человек! К тому же и некогда было. Пока тула-сюда, то-се — вечер проскочил. А в четыре утра уже подъем — мне нужно было с ведущим конструктором ехать на площадку; уложить ящики в контейнер и спать заглушкой с конструктором. На дорогу со всеми сборами ушло минут двадцать. Со своей работой мы управились, когда уже стали собираться другие специалисты и начальство, а наша миссия до объявления двухчасовой готовности на этом кончалась. Я пошел в буфет — вадо же было наконец позавтракать. Но в это время показалась голубой автобус.

Профессор М. ВАСИЛЬЕВ. На стартовую площадку мы с Мстиславом Всеволодовичем Келдышем привезли в семь утра. Сергей Павлович был уже на месте. Увидев его крайне озабоченное лицо, мы решили, что самое время — не мешать ему.

К нам подошел заместитель Королева по испытаниям Леонид Александрович Корсунский. Мы перекинулись с ним несколькими словами и, чтобы сэкономить время до приезда автобуса с космонавтами, двинулись по бетонной дорожке, окантованной стартовой площадкой. Мы, наверное, раз пять обошли вокруг стартовой площадки, когда наконец появился долгожданный автобус.

НИКОЛАЙ КАМАНИН. Вышел из автобуса, Юра и его товарищи расчувствовались, начали обниматься и целоваться, так что пришлось прожато-жидать.

Академик **ВАСИЛИЙ ПАРИН.** Когда подошла моя очередь обнять человека, которому суждено было первому выйти в космос, я быстро и, наверное, от этого как-то невольно наклонился к Гагарину, чтобы поцеловать. Видимо, я довольно сильно ударился щекой о край его шлема. Странно, запомнилась даже такая мелочь: кто-то distinctly говорит мне о том, что я поцеловал себе лицо... Потрогал вальцем щеку — действительно, кровь... Немецкая, да и только... Позже, думая о том дне, я несколько вспоминал и этот эпизод. Органы чувств обострились тогда и стали фиксировать все, что в обычный день прошло бы незамеченным.

АНДРИЯН НИКОЛАЕВ. Я забыл от волнения, что он в шлеме, хотел поцеловать и стукнулся лбом о козырек так, что шинка повисла...

— Ребята, один за всех и все за одного! — крикнул нам Юрий и направился к стартовой площадке.

«Заря» и «Недур»

ЮРИЙ ГАГАРИН. Я вошел в кабину, меня услади в кресло, беспечно залопухнул лок. Я отстался вначале с приборами, освещенным уже не дневным светом, а искусственным. Мне было слышно все, что Альбрехт за бортом корабля делал такой милой, ставшей еще дороже Земля. Теперь с внешним миром, с руководительного полета, с товарищами космонавтами я мог поддерживать связь только по радио. Позволил Земля был красивым и звучным — «Заря», я имеловался «Недур».

Слесари-монтажники В. ИВАНОВ. Готовили ракету-носитель и усаживали Юрия Алексеевича в кресле специалистов из других организаций. Но мы далеко не отходили — ждали, когда нас вызовут. В нашей группе было пятеро: еще один монтажник, товарищ, который работал по опресровке, сантехник и ведущий конструктор.

И вот примерно за час двадцать до пуска слышим по громкой связи:

— На эту службу отметку!

Подхватили мы свой ящик с инструментом, погулялись в лифт и поехали. Наверку первым делался в кабину. Видим: Юрий Алексеевич лежит в кресле, промеряет пульс, управляет, что-то говорит бодрым голосом. И лицо у него такое же спокойное, как за три дня до старта, когда я его увидел впервые. А мне почему-то жутко стало.

Однако время терять было нельзя. Наш ведущий говорит:

— Пройдите, Юрий Алексеевич, вернее, до свидания, желаем вам скорейшего возвращения на нашу Землю, а сейчас мы вас будем закрывать...

Юрий Алексеевич выгнул руки над головой — они у него были еще без перчаток — и кивнул, мол, давайте закручивайте...

ИНЖЕНЕР С. ГАВРИАНОВ. На огромном пространстве нашей паллаты в ожидании застыв средства наземного командно-измерительного комплекса. Все подготовлено к запуску.

Сергей Павлович Королев через каждые пять-шесть минут подводит к микрофону, чтобы сказать несколько слов, казалась бы, безразличными, по очень нужным слов.

ПАВЕЛ ПОПОВИЧ. Помню, я на старте включал связь с кораблем и спрашиваю:

— Юра, как дела?
— Как учий!

Голос жеманерастый. Потом и сказал ему, что объявлена часовая готовность. Это был один из самых длинных часов моей жизни. Хотя времени отпосителя не только по закону Эйнштейна, но и по закону человеческого сердца. Мне вдруг показалось, что Юра тут, там, в корабле, одинок и грустно, и я спросил:

— Юра, ты не скучаешь там?
— Если есть музыка, можно невозможно нусти...

Помил команда:

— Станция... Дайте ему музыку, дайте музыку... Я через минуту спрашиваю:

— Ну, как, даю музыку?
— Пока нет... с вельсам сарказмом отвечает Гагарин... но, надеюсь, скоро будет.

Сергей Павлович тоже весело комментирует: — Поняно, это же музыканты: пока туда, пока сюда. Не так-то быстро дело делается, как сказка свывается, Юрий Алексеевич.

Тут Юра говорит:

ИНЖЕНЕР С. ГАВРИАНОВ. Объясняется тридцатипятилетняя готовность, и все, что желает видеть процесс запуска, слышать сообщения телеметристов, уезжают на командно-измерительный пункт.

ЮРИ ГАГАРИН В РОДНОМ ГЖАТСКЕ.

Снимок сделан 17 июля 1961 г. (Из архива родителей космонавта).

Голос Сергея Павловича Королёва:

— «Кедр!» Десматриципную готовность.

Почти осязание почувствовалось, как Гагарин подвиг руки к гермошлему и нажал на защелку. С глухим дилогом опустилось защитное стекло. Сфидор автоматически переключился на автономное питание.

На стартовой площадке не осталось ни одного человека. Ракета то искривилась в лучах солнца, то сереет, захваченная мягкой теплотой пробегавшей стелы. Тяжелые пары взрываются из дренажных каналов. Их подхватывает ветер и косо бросает на стартовую площадку.

Резкий удар, от которого может остановиться сердце, но тут же свистит: «Амур!»

Последняя ниточка, связывающая человека с Землей, оборвалась. Лишь собственный вес удерживает огромную ракету на стартовых опорах. — Зафиксировано!

Ракета вздрогнула. Донесится глухой, все усиливающийся шум пламени...

— Предварительный!

Шум пламени быстро нарастает, превращается в гром. Клабы дыма и пара крупным облаком застилают землю. Ракета тут же зарождалась...

— Главная!

Окна грохота обрушились на стель, на людей, на человека в космическом корабле. И в ту же секунду прозвучал голос Королёва:

— Подъем!!!

Это был крик души, перекрывающий грохот стартовой ракеты.

«По-е-ха-ли!»

ЮРИ ГАГАРИН. Технический руководитель полета космонавдова:

— Подъем!!!

— Отход-ка!

— По-е-ха-ли!

Взгляд мой останавливался на часах. Стрелки показывали 9 часов 7 минут по московскому времени. Я услышала свист и все нарастающий гул, потруствовала, как гигантская ракета зарождалась всем своим корпусом и медленно, очень медленно оторвалась от стартового устройства. Начали вырваться переругки, которые все больше и больше давали вали меня в кресло. И хотя оно было расползено так, что до предела сократила давление огромной тяжести, вдавливавшейся на тело, было трудно пошевелить рукой и ногой. Но я знала, что это продукт полета: пока «Восток», набрав скорость, не выйдет на орбиту.

Профессор Б. ВИКТОРОВ. Наблюдать, как стартовая ракета, мне было не в привычку. Внешне и звук «Востока» ничем не отличался от предшествующих запусков. Все работало, как положено, и делал, что положено. Може быть, только каждый строже относился к себе.

После команды «Подъем!» Гагарин, чтобы мне не волновался, крикнул свое знаменитое «По-е-ха-ли!», и ракета начала подниматься, медленно, с постепенно нарастающим грохотом.

ВИКТОР ГОРБАТКО. Все ребята из нашего, как потом его называли, «гагаринского» отряда раздвинулись до 12 апреля — кто на космодром, кто на пункты обеспечения полета. Я был на командном пункте. Там находилось множество людей, но я почти никого из присутствующих не знал. Да и меня звали только как представителя отряда космонавтов, который хорошо знаком с кораблем «Восток» и может дать совет в случае каких-либо чрезвычайных обстоятельств. «Лишь бы не пришлось мне советовать!» — думал я.

На командный пункт передавался все, что происходило на космодроме. Только услышав команду «Пуск!», я отдал себе отчет в том, что это не тренировка, а реальным космический полет. И, осознав это, начал волноваться. А тут еще молчание в эфире. На своем пути к орбите ракета должна сбросить уже ненужную первую ступень, и Гагарину нужно сообщить об этом на Землю. Но в динамично тишина. Только глухой шуршание космоса.

Все невольно поворачиваются ко мне: что случилось! Но я знала не больше, чем остальные. Почему же молчит Юрий! Ведь ничего дурного произойти не может. И, как подтверждение этому, мы слышим:

— Сброс головного отсека. Вижу Землю. Показалось, от единственного облетенного вздуха привалился потолок.

На орбите — «Восток»

ЮРИ ГАГАРИН. Многоступенчатая ракета — сооружение сложное. Я до полета не видел учебных и инженерных, напечатанных только для двенадцатилетней советской ракеты. Но мне, взвешиваясь на ней все выше и выше к заданной орбите, хотелось в эту минуту сказать им спасибо.

ГЕРМАН ПИТОВ. Ракета отбрасывала одну ступень за другой. Наконец мы услышали короткий доклад космонавта. Юрий сообщил, что корабль вышел на орбиту, наступила пора невесомости. Как он переносит это состояние. Нам ответил сам Гагарин:

— Полет проходит успешно. Чувство невесомости нормальное... Все приборы, вся система работает хорошо.

Я поняла, что невесомость не мешает Юрию выполнять программу. И тут же мне вспоминался слова Константина Циолковского: «Отсутствие тяжести произвело долгое время будет пережить человеком без дурных последствий».

АЛЕКСЕЙ АЕОНОВ. На мою долю выпала самая восточный пункт свая. На Байконуре было утро, солнечный, синий до резки в газлах.

По линии связи передали:

— Старт!

Минуты полета «Востока» до нашего пункта тянулись мучительно долго. И вдруг слышу:

— «Зара», я — «Кедр». Как моя дорожка!

О «дорожке» он спросил потому, что как раз в зоне радиовидности нашего пункта «Восток» выходил на орбиту с расчетными параметрами.

— Все у тебя нормально, все хорошо... успокойся я Юру.

Он меня узнал по голосу и ответил:

— Большое спасибо. Привет «Блондину».

«Блондин» в отряде звали меня.

КОНСТАНТИН ФЕОКТИСТОВ. В бункере нам теперь делать было нечего. Оставшиеся полды впечатления пусковых маневров разрадовались радостным возбуждением. Меня подраывали, меня молотили по плечам и по спине, но я только отмахивался, чтобы не слезить благополучного начала. Вещальностей было еще хоть отбавляй, и среди них самая сложная сложность — посадка.

Подолел Сергей Павлович.

— Что, брат Константин, досталося тебе от меня за эти годы! — добродушно осведомился Корелев и, обравшись ко всем, добавил быстро, решительно, приказным тоном: — Теперь по машинам и на пункт управления.

Сам слово ветром сдуло.

Профессор Б. ВИКТОРОВ. Пункт управления размещался в одностанном доме. Там было все, что положено иметь по последнему слову техники...

Забралась мы в дом, и здесь нам пришлось поворачиваться вправо. Дело в том, что связь с «Востоком» постенно угасала. Коробль ушел за пределы Советского Союза, и поэтому сообщения от Гагарина приходили нерегулярно. Временами по пять — десять минут не было вообще никакой связи. Как тут быть спокойными!

Наконец раздалось: «Работают все радиостанции Советского Союза...» Мы раньше Ленина знали все, что он скажет, и однако сообщене ТАСС выслушали со странным интересом.

ВАЛЕНТИНА ГАГАРИНА. 12 апреля началось, как обычно. Леву оторвал в ясли, занялся с Гучковой. Потом пришла Светлана Антонова. Она ждала ребенка и ко мне, многодетной матери, приходила переимать опыт.

Неожиданно стук в дверь. Открываю — соседка. Раскраснелась, захлебывается словами:

— Валюша, включай радио! Юра — в космосе!

Я растерялась, смотрю на соседку и никак не могу вспомнить ее имени: бросалась к приемнику и не могу вспомнить, как его включать.

А потом началось в нашей квартире неообразное, неинтересное. Прибежал Владимир Комаров, набежал друзья, сосусудивца, соседя. Спрашиваю, советую, подраываю...

АННА ТИМОФЕВНА ГАГАРИНА. Я у плиты возлеза. Зоя на работе, Боря на работе, Алексей Иванович — в далекой отлучке. Только я одна и была в доме.

Тут забегает вестника — старшего сына жене:

— Мама, а что радио выключили?

— На что мне радио! Слышныш, чуток пока радио булкает.

— Да про Юру же передают! — И в слезы. — В космосе ваш Юра!

Я ойкнула и тоже в слезы. Обиделись мы и ревом. Потом бабешки соседки — подают вам газ, улетают. А я говорю: «Больше здесь не могу находиться. Там была одна с детскими, я поеду».

Пришла на станцию, спула в кассу денег рублей. Билет стоил два девяносто, но даму я взять не подумала.

Уже в электричке наша моя мужчина-железнодорожник, отгородился «Спасибо». А он мне: «Это вам спасибо». И заплакал.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ГАГАРИН. Нао же все знала, а я ничего не знала. То есть услышала я про то, что Гагарин в космос отправился, не самым последним, да только и в мыслях у меня не было, что это сынок мой летает.

Самому я ни о чем и не слыха вышла. Как раз на двадцатое апреля стартовали мы крышу ставили на чайной в Черевке. А от Гжатска до Черевки конец не близкий — километров десять, а то и все двадцать. Да еще через реку надо переправляться. Добрался я до деревни, а тут меня знакомый лодочник и озадачил. Спрашивает:

— Самхал, Алексей Иванович, какой-то майор Гагарин в космос полетел. Не родственник твой?

— Сыну у меня летало, — говорю. — Но он в майорском мне вышел. Да мало ли кто из Гагариных летает? Время такое летучее пришло.

Но все-таки осушила мы чашечку за здоровье того Гагарина, и только к вечеру я узнала, что папа не за кого-нибудь, а за своего родного сына.

«Родня слышит, Родина знает...»

ЮРИЙ ГАГАРИН. Наступал заключительный этап полета.

В 10 часов 25 минут произошло автоматическое включение тормозного устройства. «Восток» постепенно сбавил скорость, так как с орбиты мы переходили зальнос. — Стал входить в плотные слои атмосферы... Несомненно исчезла, нарастающие перегрузки прижали меня к креслу. Они были значительны, чем при взлете. Корабль начал вращаться и я сообразил, что происходит. Вспомнил, обеспокоившие меня, быстро прекратилось, и дальнейший спуск протекал нормально. Было ясно, что все системы работали отлично и корабль точно идет в заданный район приземления. От избытка счастья я громко закричал любимую песню: «Родня слышит, Родина знает...»

Высота полета все уменьшалась.

ПРОФЕССОР Б. ВИКТОРОВ. Предполетные маневры «Востока» начались в районе Южной Атлантики. Надо сказать, что посадка совершается довольно медленно и при этом поочередно работают определенные системы. Сначала корабль ориентируется, затем включается тормозной двигатель, далее корабль входит в атмосферу. И тогда, радиосигналы сперва изменяются, ослабевают, а потом на какие-то секунды и вовсе исчезают. Через некоторое время радиосигналы снова появляются. Это означает, что раскрылся парашют. Словом, существует немалый ряд последовательных событий, по которым можно судить, как протекает посадка...

При последующих полетах мы чувствовали себя уверенно, а после запусков Бьюковского родомся даже своеобразный ритуал. Председатель Государственной комиссии, как только стартовала орбитальная система, лично пододает стакан воды отвечающему за нее товарищу. Во времена Гагарина до кюаса еще не додумались. А ведь это шутливый ритуал, помогающий пережить перегрузки.

И в своих воспоминаниях уклонился в сторону. «Восток» же неуловимо и точно сиял в расчитанном квадрате, и когда стало ясно, что спуск завершён, наступил несуетный: мы вели себя, как люди, не имеющие смелости притворяться. Говоря от восторга, выкрикивая какую-то чушь. А под окнами так же по-детски алкалила толпа.

КОНСТАНТИН ФЕДКИСТОВ. Когда ракетное время истекло и «Восток», по нашим сведениям, приземлился, мымо овладело какое-то странное чувство: не было четкого понимания, что же делать дальше!

Было тяжело, было трудно, было напряженное ожидание, были волнения и нетерпение, и вдруг все разом кончилось. По иерини хотелось продолжать работу, а работы-то и не было. Но это состояние растерянности давалось недолго. Когда мы получили в Москву рад с информацией, значит, надо бежать в гостиницу, собрать вещицы, захватить место в первой подвернувшейся машине и жить на аэродроме».

Так я и воступила.

Причем не обидно было комичной сцене. Выбегали мы из гостиницы, смотрим: стоит машина

начальника экспедиции. Шефа и глазом не успел моргнуть, а уже все места были оккупированы.

Подбегает хозяй машины: «Машина моя. А где мои вещи? Вы не растеряли? Не забыли? Куда вы занеполагались? Все в монтажном корпусе ждуть...» Начальник сделал большие глаза и бросился стремглав к монтажному корпусу. Ждать его возвращение, разумеется, было не в наших планах.

НИКОЛАЙ КАМАНИН. Через двадцать минут после старта «Востока» мы с группой товарищей, в числе которых был и Герман Титов, выехали на аэродром. Самолет «АН-12» поднялся в воздух и взял курс на Кубышевск.

В воздухе мы прослушали сообщение ТАСС о благополучном приземлении космического корабля. После этого радостного сообщения все находившиеся в самолете начали деловаться, пластыть, а Василий Васильевич Парин даже достал заветный бутылку водочки. Но по советам начальника, мы решили приберечь ее до встречи с Гагариним.

Профессор М. ВАСИЛЬЕВ. Радости и восторгом было предельно. У Сергея Павлового, который больше чем все мы, вместе взятые, имел право на восторг, даже слезы показались. По его просьбе мы собрали участников запуска, и Сергей Павлович от души поздравил их с великой победой. Вскоре после этого и Королев, и члены Государственной комиссии, и многие специалисты улетели в Кубышевск. Космодром затих.

«Юго-западнее города Зигельса»

ЮРИЙ ГАГАРИН. В 10 часов 55 минут «Восток», через 108 минут после старта, облетел земной шар, благополучно опустился в заданный районе на вспаханное под зыбь поле колхоза «Ленинский путь», юго-западнее города Зигельса, неподалеку от деревни Смеович. Случилось, как в романе: мое возвращение из космоса произошло в тех самых местах, где я впервые летал на самолете...

Ступая на твердую землю, я увидел женщину с детскими сумками возле летательного аппарата и с любопытством наблюдающих за мной. Пошел к ним. Они направились навстречу. Но чем ближе они подходили, тем шаг их становился медленнее. Я ведь все еще был в ярко-оранжевом скафандре, и это необычный вид, наверное, их пугал.

АННА АКИМОВНА ТАХТАРОВА. Я с самого утра была в курсе. Сказала Гагарину, что только колхоз подумала, что пора бы отвести участок для того, как вдруг слышу его голос:

— Бабунка, смотри, смотри...

Подняла голову, вижу: человек идет в нашу сторону. Оторопь меня взяла — очень уж странно тот человек был одет, не по-нашему. И повисла от него неожиданно, с него не было, словно свет на голову. Потом галужо: он убабается. И до того задуманная у него улыбка, что весь мой страх как рукой сняло.

Спортивный комментатор ИВАН БОРИСЕНКО. Юрий Гагарин стоял в окружении людей, напавших на него, и говорил: «Мы бросились к нему».

Я хорошо знала, что передо мной именно он, космонавт Юрий Гагарин, и все же, как это требует спортивный комментатор, попросил его показать удостоверение. Записал номер и дату выдачи, зарегистрировала в специальном бланке фамилию, имя, отчество, точное время приземления. Проверил опознавательные знаки космического корабля, на котором был надписан «Восток — СССР».

Я зафиксировала три абсолютных космических рекорда, установивших Юрия Гагариним.

Поскольку с формальностями мы забрали скафандр, бортовой журнал, кое-что из приборов и возвратились в вертолет.

Наконец, мы приехали на место, где Гагарина ждал самолет. Было много детей, звучал возглас: «Ура!». «Первому космонавту — салют!» Гагариним ответил: «Спасибо». Тут же, в том же ряду, сердечное понопризнание со всеми, направились к самолету, но вдруг остановились, вернулись к нам.

— А где часы, которые были со мной в космосе? — спросил он и пояснил: — Они приняты к делу только в том случае, когда зарекались.

Принесли скафандр, отрезал часа, Юрий бегом опустил их в карман. Потом снова — на этот раз окончательно — попризнание с нами, и самолет взял курс на Кубышевск.

Известер повисковой группы О. ГРИГОРЬЕВ. У меня был единственный групповой срок. «Далеко приземлился парень!» — породавались мы за Гагарина, которого уже и след простыл.

А породавались вот почему: левый берег Волги, как правило, неизменный. Но Гагарину повелоз: место, где он опустился «Восток», приподнято над волнами. Мы прямо породались, как это он не встал, да еще и породались все — авиации там не числилась всякая после первого вылета, а дожде — Волга. Правда, иногда странного не произошло было, потому что Гагариним был предусмотрительно отработан и вариант — приподнятом. Но разве не должно быть в воду, когда вокруг так много суши?

Наша группа должна была доставить «Восток» в Москву. Но только после того, как его осмотрил на месте Государственная комиссия, придет который оказался в складывающемся шуре. А пока мы выполняли функцию летчиков из общества «Знание», удовлетворяли любопытство местных жителей, обустивших корабль плотным колымом. Кроме того, приходилось не спускать глаз с любительской съёмки, которая была в то время очень популярна. Мы снимали, открывали, отворяли и сушили в карман.

Особенно отличился колхозный механик по фамилии Мешалин. Он — правда, до того, как мы появились, — умудрился забраться в кабину. Поиском оказался в складывающемся шуре. А пока мы выполняли функцию летчиков из общества «Знание», удовлетворяли любопытство местных жителей, обустивших корабль плотным колымом. Кроме того, приходилось не спускать глаз с любительской съёмки, которая была в то время очень популярна. Мы снимали, открывали, отворяли и сушили в карман.

— Я вам не охуч, а технически грамотный специалист, — оправдывался Мешалин, когда мы его приперли к стенке.

«Все было для меня близкими и родными»

ЮРИЙ ГАГАРИН. В эти волнующие первые часы возвращения на Землю из космоса прозвонило много радостных встреч со знакомыми и незнакомыми людьми. Все было для меня родными и близкими.

Герман армей АНДРЕЙ СТУЧЕНКО. Посланный за Гагариним самолет не сразу доставил его к нам, в Кубышевск, так как поступило распоряжение организовать телефонную линию космонавта с родственниками партии и правительств. А тем временем мы были на аэродроме. Мы ожидали дорогого гостя, имя которого уже облетело весь мир. Но когда мы увидели в небе крохотную точку, разрастнувшуюся медленн приближающуюся к аэродрому. Это был самолет «ИЛ-14».

Самолет сел. Мы затормозили к трапу. Открылись двери. Приветливо помахивая рукой, Гагарин спустился на землю. Сначала официально, а затем приветливо как-то сразу вылетели у меня из головы. Я его просто обрел и от имени Министра обороны поздравил с новым воинским званием, собственным полетом и благополучным приземлением. Потом попросил космонавта перенести в область Агальцова, Каманина и Германа Титова.

ГЕРМАН ТИТОВ. Подлетя к Юрию не было никакой возможности. И все же я решил проявить напористость и стал протискиваться сквозь толпу. На меня поглядывали удивленно, недоуменно, недоумительно. Темно-красные волосы космонавта, который приветливо как-то сразу вылетели у меня из головы. Я его просто обрел и от имени Министра обороны поздравил с новым воинским званием, собственным полетом и благополучным приземлением. Потом попросил космонавта перенести в область Агальцова, Каманина и Германа Титова.

— Очень доволен, — ответил Юрий и убежденно добавил: — Скоро и ты испытаешь все это...

После отдыха я с Юрием бродил по берегу Волги. Белел снег. Показалась зима, кое-где пробивалась юро-зеленая трава, а почва дереза уже начала вырывать пахучие клейкие лисочки. Охлахла покрывалась темно-красными сережками. В ветках хлещотали грачи, поправляли старые гнезда... Мы с Юрием русские, а я приехал из этой гари-монированная с нашим радостным настроением. Мы шутили, мечтали о будущих полетах, Юра делался впечатлительным о космосе.

Я спросил его о несомности.

Конечно, ощущение несколько необычное, но думаю, что этому можно привыкнуть.

Юра задумался.

— Ты о чем? — спросил я. — Мечтаешь, что когда-нибудь вот так же явном будем бродить по берегу? Марсианскому? Или поглядывать за полетом Солнца, заходящего за Землей?

— Вот было бы здорово! — рассмеялся Юрий.

НИКОЛАЙ КАМАНИН. Часов в 10 вечера мы собрались за столом. Был ужин, были тосты. Но чувствовалось, что все очень устали, и около 11 мы уже разошлись по спальням.

Так закончился для нас этот тревожный, трудный — победный день.

Рисунок Валерия Юдина

ВОЖАК

Центр был полон блестящих идей. На огневых позициях сотнями валялись тяжелые снаряды. Под руководством своего вожака мы разбирали их и, таким образом, добивались до пресованного пороха, похожего на макароны. А затем, плотно набив эти макароны пустой ствол пушки, замыкали отверстие грязью так, чтобы одна макаронина торчала из ствола надобие биффорда шура. Поднес горючую спичку к шуру, мы бросили враспылку и, едва успевали прилечь к земле, как тридцатиметровый столб огня вырывался из пушки, и в течение нескольких минут продолжалась дьявольская иллюминация.

Но настоящий заказан на храбрость выдерживал тот, кто не боялся притронуться к жаро-желтым разрывным патронам. Многие погибли это сделать, и многие погибли. Целый участок кладбища покрылся могилами детей от шести до шестидесяти лет, прежде чем ленивые взрослые догадались зарыть в землю это несметное количество взрывчатки.

Однажды Центр привел нас к россыпам этих патронов. Мы забрлись в окоп и, наметив себе цель — лафет тяжелого орудия, — начали бомбардировать его патронами.

После каждого броска мы с быстрой молнией расплывались на дне окопа и, если взрыв раздавался, сладостно замирали... Мелкие осколки земли над нашими головами, а запах пороха вселил в нас блаженство. Затем игра приблизилась к кульминационному моменту. Наш вожак, одержимый жаждой приключений, молча дал знак следовать за ним. И мы двинулись по лабиринтам окопов. Это была классическая огневая позиция, построенная орудийными расчетами на случай рукопашных боев. Однообразные зигзаги траншей иногда прерывались пулеметными гнездами, и, конечно же, в каждом пулеметном гнезде стоял щик с ручными гранатами. Центр спросил, кто из нас попробует бросить гранату. Этого никто не хотел было делать, но мы попросились, ушел. Центр это очень не понравилось. С некоторым сомнением в голосе, но в позе, достойной генерала, он сказал: «Этот трус всегда все испортил». Мы с Обжорой не чувствовали себя вправе высказывать собственное мнение, слишком сильно было наше уважение к тому и другому. Как бы там ни было, мы все как-то сразу синкли, и наступил зрачок, Бог знает почему, пробудил в нас страшный тоску.

После опасных развлечений мы возвращались в пекарню, чувствуя себя послушными детьми, истосковавшимися по своему надежному прибежищу. Наша работа была безупречной, с усердием кололи мы дрова, и все ласки не смогли бы породить такого количества дров, которое не капитуловало бы перед нашими топчанами. Центр, как всегда, похвалил нас, но теперь он стал меньше говорить, больше работать. Его страсть к опасным приключениям как будто умерла, и нас это радовало. Однако мы прекрасно понимали: поносившись забор и облунившись стены пекарни тесны для его широкой натуры. В своей стихии Центр чувствовал себя тогда, когда, по погодине, но абсолютно свободные, бродили мы по горному взроку. Возле все же он и проработал бы с нами все лето, если бы не вернулся из Австрии его двенадцатилетний брат по прозвищу Синопас, мобилизованный салаштами. Возвращение Синопаса вызвало в городе бурю чувств и возродило в матерях надежду на возвращение сыновей. Синопас был первым парнем в дотом, вернувшимся домой из плена. Он привез целую кучу иностранных вещей: кофе, жевательную резинку, карманный фонарик, какой-то необыкновенный рожаж и льяльные ботинки. Он с таким презрением слушал других и с такой важностью рассказывал о себе, как будто он по крайней мере командовал нормандским десантом. Разуверившись, все это поражающе изображением соседей. Но еще более потрясла всех его невероятная самоуверенность. Ничто в нем не напоминало прежнего Синопаса, прозванного так потому, что его каждое лето посылали помогать синопасу графа Меран. Его популярность росла со страшной быстротой, но вскоре столь же быстро угасла. Синопас не простила безмерного богатства. Впрочем, ничуть не бесспорно-кошачий этим, он приступил к выполнению своих планов — сделать из себя бизнесмена на американский манер. Мы не имели бы ничего против него, если бы он не нанес ущерб нашей компании, линия нас вожака. Вернувшись, Синопас взял на себя роль главы семьи. Центр беспресловито, даже униженно подчинился брату.

Солдаты в пекарне спрашивали нас, где Центр, а мы, не желая его подводить, сказали, что он заболел. Поэтому Центр по-прежнему продолжал получать свой заработок, который теперь высылался ему домой. Синопасу это очень понравилось, и он почему-то ставил себе в заслугу этот дармовый хлеб.

Повсюду ходили слухи, что какие-то ловкачи рыщут по большим дорогам и продают за валюту продовольствие солдатам. Эти новостенческие комментарии были распространены путями. Синопас, возмущенный ними и хитро, превратился в самого беспардонного ханжугу. Так как тщеславие его было беспредельным, он сразу же разделил баринем. В сером котелке, с тростью черного дерева с серебряными набадланщином, в клетчатой визитке, при галстуке прищепленном, он был неотразим. В безмерном багвальстве своим богатством он доходил до того, что в июне надевал шубу на меху, который выменял за корзину жареной рыбы.

Центр был снабженцем новоспеченного миллионера. На плечи бывшего вожака свалились заботы о приобретении яиц, рыбы и кур.

Встретились мы теперь очень редко. Казалось, Центр забыл о нашем братстве, как вдруг неожиданно позвал нас на свидание. Встреча произошла подле одной из тушек. С видимым раскаянием и неприязненным смущением он пытался оправдаться. Мы не утешали его, боясь обидеть, только даля Шаму посоветовал как можно скорее вернуться в пекарню: ведь солдаты ждали его. В ответ Центр познакомил нас со своими новыми партнерами. Во-первых, он признался, что Синопас присвоил нам общий капитал, заработанный на суареж, во-вторых, он порывает с братом и предлагает нам бросить колоть дрова и объединиться для промысла на проходах дорогах. Он уже потерялся не только об исходном капитале, но и о товарах. Сегодня, это есть в субботу, бед введом Синопаса он купил двадцать килограммов малины и просит нас помочь ему выгодно перепродать ее. Мы с Обжорой с надеждой посмотрели на дадо Шаму: с обычным сплюснутым тедом предложил продать малину в воскресенье с усердием в понедельник. Центр согласился. С горщицами глазами бросилсь мы в новую авантюру, и лишь холодная расчетливость Глазми несколько охладила наш пыл. Престиж вожака был восстановлен. Прежде всего он познакомил нас с некоторыми военными хитростями. Чтобы усладить подозрения Синопаса, он сказал ему, что в воскресенье поедет в Ошлу с поездом Богданом. Он уже знает, что нужно ехать в сторону Мадьярвара. Там находится главная сфера действия торговцев, но нам надо забраться подальше, так как конкуренты могут не только отнять товар, но и здорово избить.

Задолом до рассвета мы отравились в путь и прошли две деревни, прежде чем Центр нашел подходящее место и предложил разложить товар. Под

раскидистой шелковицей мы растелили белую бумагу, прижав углы камнями. Затем перешли все двадцать килограммов в бумажные пакетики. На белой бумаге малина выглядела не только красиво, но и внушительно. Центр снисходительно разрешил нам полкомочки оставшимися на дне корзины съедать мягодами, и вот с перемазанными соком рожками мы уехали ждть щедрых покупателей.

Иногда происшедшие мимо машины не замечали нас. Уже отчаявшись продать малину, грустными глазами смотрели мы на истощившие сок ягоды, как вдруг со стороны Мадьярвара появились колонна пехотинцев. Вместе с радостью в нас проснулся страх.

Туда бравый и суровый солдат мы еще не видели. Новое, с иголочки обмундированное обтянутое им молодое, стройные фигуры. Первым опоминился Центр. Используя скудный лексикон придорожной торговли, он стал предлагать товар. Все произошло быстро и без единого слова. Каждый солдат крайнего ряда, прохода мимо нашего «прилавка», наклонился и брал лавочки с малиной, приходя при этом к тому положению на «спасибо». Через несколько мгновений на растеленной бумаге остались лишь розовые пятна. Центр онемел. Неудача настолько потрясла его, что до самого дома он не раскрыл рта. На следующий день он пришел в пекарню. С крохотушкой расквашенных грешников мы вернулись к нашей «хлебной» жизни. Много работали, пекли булки из остатков теста, стреляли из рогатки по воробьям и выгадали пошататься на толкучке.

В полдень мы отдыхали, лежа на мешках, и тоскливо, задумчивые песни, доносившиеся из полумрака комнаты, навевали на нас легкую грусть. Сонда-ты стали какими-то печальными, временами долго смотрели на нас, часто колоти за нас дрова.

Мы все немного понимали по-русски, но только Центр умел разговаривать в речи. Однажды, услышав их тихий разговор, он сообщил, что живут у него. Потом торжественно объявил, что поедет с ними, потому что в России дети ездят туда, а на поезде можно кататься без билета. Дядя Шаму усомнился в последнем, ведь тогда все русские толки и делали бы, что катались на поезде даром. Но тогда им не хватило бы всех поездов в мире, потому что русские по крайней мере второе больше, чем венгры. Поэтому Центр считал это невозможным. Начался спор, смелые предположения и аргументированные опровержения следовали одно за другим, и в этот-то момент и появился Свинюпас. Он возник перед нами внезапно, словно бандит в бульварном романе, разве что только без колты в руке.

Солдат во дворе не было, они мискию тесто леварили. Без всякого стеснения Свинюпас начал спокойно и безжалостно награждать Центра пощечинами. Из носа вожака ручьями потекла кровь. «Марш домой, я не дам тебе превратиться в боска!» — стыдил брата этот разборчивый банкир. Страх обнял нас, мы сидели молчаливо, когда Свинюпас, прогнав Центра, начал бранить нас, боясь посмотреть друг другу в глаза, мы утаивались в бетонные бугры двора, на которых застыли капли крови.

Было похоже, что Свинюпас намерен всерьез позаботиться о брате. В течение нескольких дней он сделал из него барчука. Казалось, Свинюпас не жалел денег. По воскресеньям Центр выглядел, как бельгийский принц. В гордом хитром ходил стараясь слезть с Горки, что Центр гонит ручными гранатами рыбу на Рабце, мать жарит ее, а Свинюпас продает. Говорили, что братья потеряли счет деньгам и с безудумным легкомыслием покупают все, что им понравится... Мы не завидовали Центру. Лишь тогда, когда узнали, что Свинюпас купил ему настоящую лодку, мы почувствовали себя обиденными судьбой.

В день Петра и Павла в пригороде устроили ярмарку. Это был первый праздник после войны. Поставили свои грязные палатки продавцы сластей. Завелась колонка карусели, залетали лодки качелей, в тире крутилась ветряная мельница... Появился знаменитый сеньор Валентин, чревоуещатель и шпаго-глотатель, умеющий, кроме всего прочего, играть на трубе, стож вина головой. Это было счастливый день. Центр, в придирчивом костюме, при галстуке и часах, благоухающий бриллиантами, разыскал нас в толпе. Несмотря на наши несмелые возражения, он настоял, чтобы мы были его гостями в этот день. Подобно расточительному мажардэе, он сорил деньгами направо и налево. Собственно, он почти и не разговаривал с нами, целиком поглощенный процессом траты денег. За качели он уплатил сразу за десять туров и, когда мы укачались до полусмерти, взял билеты еще на двадцать... Затем мы отправились в тир. Облокотившись локтями на барьер, Центр стрелял и стрелял, становясь с каждым выстрелом все ненастнее...

Когда наступил вечер и торговцы стали складывать палатки, Центр вдруг пришел в отчаяние, как бы испугавшись, что день кончился. В танках бегло он взвезд-чур по терпящей свои краски ярмарке, словно шца что-то очень важно. Через не плача подбежал к складывающему свой реквизит Центрину Валентиню:

— Не уходите!

...В тот день, возвращаясь с работы, мы попали в грозу. Намокли нашу хлеб и соль, завернувшие в газету. Разозленные, мы рычали, как собаки. Перед мельницей нам встретился сын вожика Чёрге, который вел за уздечку шлеудивую лошадку. Мы ждали, что этот задира, как всегда, скажет какую-нибудь грубость, но вместо этого он, стуча зубами, сообщил:

— Центр взошел.

Было бы лучше, если бы мы сразу поверили ему и не побежали к дому Центра, чтобы самим удостовериться в странной правде.

Посреди кухни, на полу, лежало что-то покрытое простыней. Белых пятен на простыне почти не было. Мать Центра, обезумевшая от горя, с ненавистью посмотрела на нас. Мы в ужасе обратились в бегство.

Как потом рассказывали, граната здорово заржавела, и Центр, видимо, попытался слегка расшатать ручку, чтобы пружина сработала в нужный момент. Зесь-то и случилась беда. Где именно произошел взрыв, никто не знал. Рыбаки уже с самого города увидели лодку, которую медленно и тихо несло течение. На дне лодки на груде рыбы и ржавых гранат кровавым мексиво лежало то, что осталось от несчастного рыбака.

В тот же день Свинюпас пропал из города. Только через неделю дед лет он отправил письмо из Лисабона — нераспечатанный его отравили обратно. Центр Центра так и не вернулся с войны, а единственным близким ему человеком — мать стала живым трупом.

Живя в асфальте с виду двора, где ее окружают внимательные люди в белых халатах, она все время, как будто, жалует, что и, и когда не успеет управиться с делами и вся эта рыба обязательно отсыреет...

Перевела Лариса САВО.

Июжеф ТОРНАИ

Дай мне стакан...

Дай мне стакан, полный дорог, ливней и гроз.

Дай мне стакан, полный надежд, плывущих птиц и звезд.

Стакан, полный упреков твоих, холода лба твоего.

Дай мне стакан, полный лесов и шепчущих полей, полный подсолнухов молодых, бьющих тебя по ногам.

Дай мне стакан, полный ночей, страсти и неги любви, полный грохочущих лет — жеребят на деревянном мосту.

Стакан, полный тоски о тебе: ты жав ночь и рассвет.

Дай мне стакан, полный тревог, шороха юбки твоей, листьев осенних на колесе и твоего автогена.

Стакан, полный лугуевых носов солнца и жадности дней.

Дай мне стакан. До самых краев река бшуют в нем, по берегам не этих ли рек держим мы путь теперь!

Черно-белые собаки

(Памтит Хиросим)

В мертвый город крадутся

на запах одинокие своры собак черно-белых. Голодные твари, под безжалостной лупой луны.

Нет пристанища в городе мертвых!

И, когда они воют вполтаих, дымях, огненным языками из рун навдгаются гнев.

Маргит СЕЧИ

Вдруг векрикнул месяц молодой

Когда я к другу удержала черед одно по шатким доскам лесов, забрызганным известкой, вдруг вскрикнул месяц молодой.

Сосною доску задышала, и белые поднялись горы, как расклеванные слоны, и, точно лютый великанов, вверху качался вагончик, и повила я: вечно будо живой гулять среди ночей, и я до могилы не забуду!

В лесные врата золотые фазаны влетали

Казалось, душе открывались любые дороги:
был март на исходе, и конские гривы цвели.
Друзья пробегали. Топтали росистые ноги
великую радость земли.

В лесные врата золотые фазаны влетали,
ущербиной луной был небесный свозняк осенен —
и в цовете листвен, смываших немытые дали,
прекрасен был мир, пятачкиной грудюцких
времен!

И лица листья, лица сверстниц — ветвей
и девчонки — и в счастье немислимых
меня обступали — и в счастье немислимых
гоним
сторгался мы в таку племен, позабытых давно,
оставив в былом валунов обомшелых руно.

И море я видел однажды, ней облик нетленный
был гроздыям лета, студеным напитком
вселенной,
иль ревянем крыл, изнутри возносящих меня
над собственной смертью и трезвенной сухостью
дня.

Где взморе, и мол, и друзья на приморском
привале!
Где плугом весми мы высокое солнце пазали!
Востанья сирени и ветер в игольном ушке,
куда унеслись вы, в каком вы теперь далеке!!

Ах, в дебри лесные, в развалки детства —
летзавы —
летят золотые, крылат золотые фазаны:
в древесной тени кинжет ветер, подобный лучу,
и в посанвах ветра, лжюка, я вслед им крчу!

Ференц БАРАНИ

Нам нужно жать...

Нам нужно жать. Пусть жарной,
словно бой,
Пробудет жатва — ярый праздник
года.

Извечно связаны между собой
Насущный хлеб и гордая свобода.

Нам нужно жать. Они звенят уже —
Колося, налитые силой летней.
Пусть оседают медленно в душе
Седых веков минувших
лихолетья.

Нам нужно жать. Пусть грозы
на дыбы
Встают над золотистой
хлебной новью...
Извечно орошали мы снопы
Своей крестьянской непокорной
кровью.

Нам нужно жать. Не оклик
злой судьбы,
Не барни подгоняет нас: «Работай!»
Труд — это продолжение борьбы.
Мы щедро землю поливаем потом.

Нам нужно жать. Пусть жаркой,
словно бой,
Пробудет жатва — ярый праздник
года.

Извечно связаны между собой
Насущный хлеб и гордая свобода.

Нам нужно жать. Свистел над нами
кнут.
Попы и баре запылавали жиром.
И был наш гнев
и справедлив и крут,
Им набухали, тяжелели жилы.

Нам нужно жать. Всем бедам
вопреки.
Сбивать с хлебов сверняющие росы.
Пусть исподлобья смотрят кулаки
И по ночам востоят угрюмо косы.
Нам нужно жать. Не тратить
лишних слов.
И злые дни нам снова
в палять реутся.
Когда идем ликимые врагов
Смогли кровавой жатвой обернуться...

Нам нужно жать. Забот неавпроворот.
Вокруг простор стремителен
и светел.
И хлеб стеною звонкою встает.
И нам целует руни теплый ветер.

Нам нужно жать. Пусть в дальний
путь земля
Навстречу звездам
снова шлет кого-то.

Ведь небо — это синие поля,
Где действует
закон земной работы.

Нам нужно жать. И с трепетом
следить
За высотой, где мчит живое пламя.
И ощущать невидимую нить
Меж парнем улетающими
и нами.

Нам нужно жать. Прочней вязать
снопы.

И постигать, насколько мир огромен.
И отблеск звездной
вихревой судьбы
Вдруг уловить в своем крестьянском
доме.

Нам нужно жать. Косить
свои хлеба...

А парень тот увидит пусть
в полете,
Что край луны — как лезвие
серпа,
Зазубренного трудною работой.

Нам нужно жать. Пусть жаркой,
словно бой,
Пробудет жатва — ярый праздник
года.

Извечно связаны между собой
Насущный хлеб и гордая свобода.

Мой земляк

— Добрый день, река! — говорю я седому
Дунаю.

После дальней дороги
стою над студеной водой.

Перед ним, земляком, я с почтением
шляпу снимаю.

Он в ответ мне кивает
своего упрямого волной,

Словно другу, ему свое сердце
легко поверяю,

Говорю о заботах, о том, что мне душу
гнетет.

Жизнь свою, как всегда,
я Дунаем опять проверяю,

И опять в бесконечность
меня за собой он зовет.

Мы похожи, Дунай. Чью-то жамду
и боль утоляем.

По родной земле оба мы
не идём стороной

И в невзгодах и бедах себя никогда не теряем...
Дай мне звонкое слово наполнить

твоей глубиной.

Переводы стихов с венгерского Александ-
ра ГОЛЕМБИ, Олега ЧУХОНЦЕВА, Генна-
дия СЕРЕБРЯКОВА
Фотографии из альбома «Молодая Венгрия»
венгерского издательства «Корвина»

**Александр МАРЬЯМОВ,
Владимир ЧЕИШВИЛИ [фото]**
Специальные корреспонденты
«Смены»

Рабочая спецовка — непреходящий атрибут в портрете этого города.

В дневные часы ритм Куйбышева выверен камерным заводским гудков, его деловитость несуетна и солидна. И нужно ждать вечера, чтобы увидеть улыбку на лице города: отныне театров — их четыре, легкая конструкция из алюминированного цирка, стеклянная коробка Дворца спорта, неоновые змейки над входами кафе, афиши кинотеатров и Дворцов культуры.

Афоризм древних «Делу — время, потехе — час» мудр и поныне. Но формула его теперь расшифровывается иначе, ибо «час потехи», то есть свободное от работы время, с каждым годом становится поистине все более объемным, многозначным, начинает играть весьма приметную роль во взаимоотношениях молодого человека и общества. В век техники, в век стремительного научно-технического прогресса, автоматизации производства, помимо всего прочего, диктует неуклонное сокращение рабочего дня, расширяет границы досуга.

Вечерний Куйбышев высветен приглашением к отдыху...

Я принимаю это приглашение...
— Что вы делаете в свободное от работы время?

— Учусь в институте.
— Но я имею в виду досуг...
— И я тоже.

Это лишь выжимка из пространного диалога с чертежницей проектного бюро Любовью Сабиржановой. Сейчас я думаю, что именно в разговоре с

ВНУТРИ

**ЗАКОНЧЕН РАБОЧИЙ ДЕНЬ.
ВПЕРЕДИ —
ЧАСЫ ДОСУГА.
КАК ИМИ РАСПОРЯДИТЬСЯ?**

ней выветлилась для меня одна из сторон того многогранника, какой привычки мы означать обиходным словом «досуг». Постоянство учебы, самоусовершенствования, непрерывность в накоплении знаний определяют сегодня свободное время большинства молодых людей. Любовь Сибирякова предложила мне по этому поводу довольно стройную концепцию.

— Совмещение работы с учебной, — говорила она, — требует определенного аскетизма, внутренней организованности. Приходится поступаться многими соблазнами, которые в молодости подстерегают нас на каждом шагу. Отказаться от многих радостей

ради той радости, какую несут в себе звания. Нет, нет, это не красивые слова. И вряд ли стоит говорить здесь о какой-либо меркантильной стороне дела: материальная выгода, которую, может, и даст мне инженерный диплом строителя, не идет ни в какое сравнение с выгодой духовной... Правильно я говорю?

Наверное, правильно. Наверное, схожим был подтекст иронично-серьезного (такой уж он человек!) разговора «за железь» со слесарем пятого разряда Владимиром Слабовым. Он рассказывал мне много всякой всячины о своих увлечениях, пытался сыграть на валторне увертюру к «Руслану и

У МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА РАМИЛЯ ВАЛЕЕВА ДВОЕ ДЕТЕЙ — ДЛЯ НИХ НЕ ПРИХОДИТСЯ ЖАЛЕТЬ ВРЕМЕНИ...

ИДЕТ ЗАСЕДАНИЕ ЗАВОДСКОГО ШТАБА ДРУЖИНЫ.

ДАВНЕЕ УВЛЕЧЕНИЕ МЕТАЛЛУРГА СЕРГЕЯ ВЕЩАГИНА — СОБРАНИЕ, ОБНОВЛЕНИЕ, «ОЖИВЛЕНИЕ» СТАРИННЫХ ЧАСОВ.

В ГОРОДСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ИСЧЕРПЫВАЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ ПО ЛЮБОМУ ПРЕДМЕТУ.

Людмила, разобрал по косточкам тактическую схему игры куйбышевских «Крыльев Советов», а потом сообщила, что вообще-то он вечерами учится, а все остальное — так, для полноты ощущений:

— Я уже три года на заводе... Ког-

СЕГОДНЯ ЧЕРТЕЖНИЦА ЛЮБОВЬ СИБИРЯКОВА РАСПРЕДЕЛИЛА СВОИ СВОБОДНЫЕ ЧАСЫ МЕЖДУ АТЕЛЬЕ, ПАРНИКМАХЕРСКОЙ, ИНСТИТУТОМ...

да пришел, думал, что среднее образование и профессия слесаря вполне удовлетворяют мои запросы на будущее. В конце концов квалифицированный слесарь — чем плохо для человека, только еще вступающего в самостоятельность? Через пару лет — уже и разряд у меня был высокий. Я понял, дошло до меня, что отстаю, что нужно учиться... Иначе завяну, себя уважать перестану. Вот и поступила на заочное в университет. Сейчас на втором курсе — работаю и учусь...

А можно ли вообще считать учебю одной из форм проведения досуга, ка-

тегорией отдыха? Быть может, правильнее было бы говорить о ней как о дополнительной нагрузке, которая ложится на плечи молодежи в нерабочее время?

В условиях технического прогресса человек должен постоянно расширять образованность, крутосор, углублять свои знания. Наполнять растущие объемы свободного времени соответствующим развитием общества содержанием. Это предсказывал еще Карл Маркс, видевший духовное здоровье будущих поколений именно в их умении организовать свой досуг.

ВЕЧЕРНИЕ ЧАСЫ В КАФЕ «СНЕЖИЖКА».

Проблемы свободного времени советского человека решаются у нас сейчас достаточно серьезно и многогранно. И видны здесь государственная заинтересованность, беспокойство комсомольского поиска. Понимание актуальности такого на первый взгляд праздного вопроса: «Умеем ли мы отдыхать?»

Конечно, есть и такие, кто предпочитает проводить свой досуг, лежа на

диване, попявывая в потолок — форма свобод, довольно распространенная среди обывателей, понимающих суть прогресса в легализации безделья. Есть и такие, для кого содержание отдыха выражено двумя словами: «убить время». И они убивают его костычками домино, водкой, топтаньем по паровозиках, бесцельным шатаньем по улицам с гитарой, дремучей скукой одвообразных вечеров.

И в Куйбышеве они есть. Однако, следуя по тропе социологии, от частного к общему, — а в последнее время ни один опрос общественного мнения не обходится без теста, касающегося людских интересов и досуга, — радуешься негигичности подобного рода людей. Радуйтесь тому, что в ориентирах вечернего Куйбышева — святища окна институтов, техникумов, читален, школ рабочей молодежи, где

проводят большую часть своего досуга почти пятьдесят тысяч юношей и девушек города.

Беглая устная анкета в цехах завода имени Масленинкова, где спрашивая я рабочих о том, как проводят они свое свободное время, лишь подтвердила типичность такого подхода. Из двадцати трех опрошенных пятнадцать сказали, что досуг свой они предпочитают посвящать учебе. Четверо поставили на первое место книги, самообразование. Трое — кино и театр. И лишь один кратко ответил: «Спаю!»

Убедительно?

Нет, это был разговор не об увлечениях. О потребностях, удовлетворение которых несет в себе и радость открытий и бесспорное духовное возмужание.

Навзашее в зубах слово «хобби»

было произнесено потом. И вслед за ним послышался на меня эти самые увлечения: музыка и спорт, драматические кружки и танцевальные студии, битовые ансамбли и резьба по дереву, коллекционирование марок и разведение рыб, дессировка хомчюков и вязанье... А один кратко сказал: «Спаю!»

Собственно, в этих ответах вырисовывалась уже контуры отдыха в чистом виде, того первозданного часа потехи, который каждому планируется по-своему, в согласии с наклонностями и характером, с движениями души. Количественное увеличение свободного времени привело к его качественному многообразию. Учеба? Да, но не только она. Самодеятельность? И она тоже. Так или почти так говорят теперь о своем досуге, не забывая, впрочем, заметить, что, мол,

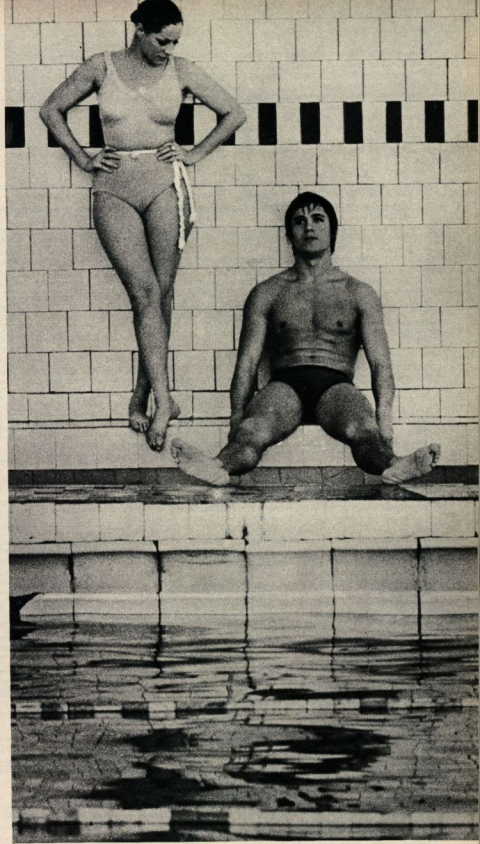
В ЗАВОДСКОМ ДВОРЦЕ КУЛЬТУРЫ «ЗВЕЗДА» ИДЕТ РЕПЕТИЦИЯ ТРУППЫ НАРОДНОГО ЦИРКА.

«НЕТ НИЧЕГО ЛУЧШЕ БАССЕЙНА...» — ТАК ДУМАЮТ МНОГИЕ.

«КОНКУРС ВОЛЖСКИХ МАСТЕРОВ» ВЫЗВАЛ ВОСТОК ЗРИТЕЛЕЙ.

ЗАВОДСКОЙ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ АНСАМБЛЬ ПЕРЕД ВЫХОДОМ НА СЦЕНУ

ОБЫКНОВЕННОЕ МОРЕ

Юрий КАЛЕЩУК, Владимир ЧЕИШВИЛИ [фото]

11.45 ПО ГРИНВИЧУ.
68-4 ДЕНЬ РЕЙСА.

В коридоре катается кружка. Будто с ней кто-то играет.

Но у нас нет кошки. Раскачиваются на гвоздях телорейки и ватные штаны. С пола трубами старых пароходов поднимаются высокие голенища сапог. В вазочке над головой сигареты. Три пачки. Последняя. Нас четверо, Лыткин не курит. Мы лежим в два яруса, голова к голове. Внизу Воеводо и Пакалка вяжут сетки-самоделки, затаявшись по очереди одним «бычком»; Лыткин задернула шторки над своей койкой, по соненно и причмокивая можно догадаться, что он занялся банкой со ступенным молоком; и читаю выпрошенную у старпома «Лодию побережья Норвегии». В хорошую погоду ее берега отчетливо видны к востоку от нас. Но хорошая погода бывает редко.

«Мирами и марево наблюдаются у побережья Норвегии довольно часто. Мирами обычно предвещает хорошую погоду. Большое искривление видимых объектов считается признаком неустойчивой погоды. В открытом море в период с сентября по март преобладают ветры от 30, 5 и SW со средней скоростью 6—11 м/сек. Из местных ветров зимой при южной погоде наблюдается холодный ветер «сно» (ветр), или «эльвестус» (ветучий), который обычно начинается от NO и может достигать большой силы...»

Неожиданно светлеет. Но невадно. Это иллюминатор уходит в пену волны. Потом становится совсем темно — нос зарылся глубоко в воду. Бьет новая волна, вибрирует корпус СРТ-20, среднего рыболовного трюмера хайлайской флотилии: экипаж 24 человека, рейс 110 суток. Обычный рейс за обыкновенной селедкой.

12.05.

Хлопает дверь каюта, легкой настройкой над носовыми кубриками. Кто-то стоит на верхней площадке

и отфыркивается. Потом резиновые сапоги шапают по трапу.

— Спит, черти. У-у, песцы заморские! — трясется в коридоре, и по этой малопонятной фразе я узнаю Клода Пеньява. Значит, он отсюда вахту. Сейчас Нардоскик. Потом Булгаков. Потом я.

— Ничего себе — ослабел! —
— Что притягали, бичи? — Коля просовывает голову в кубрик.

— Как прогноз? — спрашивает Воеводо.

— К вечеру ослабление до семи-восьми баллов.

— Зашевелась Лыткин, шмыгнула носом, и вот он уже стоит на полу, дуриет маленькие глазки и, блаженно улыбаясь, натачивает поверх одного равного свитера другой, водолазный, и тоже равный.

— Ах вот на обед он торопится, — отмечает Воеводо, но Лыткин не слышит, он уже на трапе.

Мы все время отстаем от него: мы обуваемся, обжигая пальцы о горячие портянки, — он идет в салон затрещать; мы выходим на палубу — он стоит у трюма и застывает просяльфидную робу; мы, покурив, не спеша облачаемся в свои непрерывно мокаемые доспехи — он уже возвращает бочки, подготавливая рыбмастеру «фронт работ».

Когда мы пришли на промысел и первый раз выметали сети, Лыткин каждую пятнадцать минут зажгил свет, смотрел на часы и ворочался, ожидая сигнала выборки. С трех до шести он вставал ежечасно и, стуча кирзачами, поднимался на палубу.

— Вожак! ты там шутаешь, что ли он от рыбы не потяжекает! — облезло спрашивал спроснок Воеводо.

13.10.

После обеда сидим шестером в нашем кубрике размером чуть больше телефонной будки. Ни к че-

му нам этот шторм. Добрей бы груз да топач к базам — забункероваться, взять продукты, курево.

Иван Федоров заводит Лыткина. Тот затаенно сопит, и мы лениво ждем развития событий.

— Ну, как, Потапыч, будем метить 147 сетей?

— На последнем судном собрании Лыткин потребовал от капитана, чтобы тот дал команду набирать порядка от всех 147 сетей, ивменихся на траулере. Арифметика тут простая: если с 70 сетей берешь семь тонн, то со 140 — соответственно вдвое больше. Но простой арифметики на промысле мало. Потода неустойчивая, можно не только без рыбы остаться, но и без сетей.

— Ты просто работать не хочешь, так и скажи, — бурчит Лыткин. — Ежели метать больше сетей, тем поработать хорошо, через то и пай лучше выйдет. А за так нечего и в море ходить. Вот у нас на «670-м»...

— А подлазимет в шторм, порядок утшим, злой-ветской твоей ловить станем, что ли?

— Сумеешь — свое всегда возьмешь, — несколко загадочно говорит Лыткин.

— А двести сетей, Потапыч, — уже влоа, как бы по инверции продолжает Иван Федоров, — ты бы поставил?

— Можно и двести, — легко соглашается Лыткин и неожиданно набрасывается на Ивана: — Ты вот лучше скажи, куда досеть сантимеров с лесоторгового склада продают?

— Какие десять сантимеров?

— Ну, дров. Заготовляют ведь их по метрдесят, а продают кубометрами. А десять сантимеров куда?

— Этот вопрос мучает Лыткина давно. Весь экипаж он им извел.

— А тебе-то что? — разозлился Федоров.

— Ах вот они на него пасали, — вмешивается Воеводо, паутового ухмыляясь. — Ведь если по ра-

АПРЕЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. АНГЛИЧАНЕ УТРАЧИВАЮТ «АНГЛИСКОЕ СПОКОЙСТВИЕ»
2. ПОД ЗАЩИТОЙ ДЕЛЬФИНОВ
3. ПЛАСТИК, КОТОРЫЙ РАЗРУШАЕТСЯ САМ
4. АВТОМОБИЛЬ НА ТРОТУАРЕ
5. «АРЕСТУЕТ ХРИСТА!»
6. КОСМИЧЕСКАЯ БИЖУТЕРИЯ
7. САМАЯ МАЛЕНЬКАЯ ВОЛШЕБНИЦА
8. ОПАСНЫЕ ИГРУШКИ
9. БЕЗАРМОЕЦА В ЕВРОПЕ
10. ДУМАЮЩАЯ МАШИНА
11. САМОХОДНЫЕ ЛЫЖИ

Материалы перечисляются с сокращениями или в изложении.

1. **И.** **Самый знаменитый из англичан** когда-то писал: «Прогноз, что в датском королевстве». Через триста пятьдесят лет после его «эпифи протесты англичане повторяют эти слова, имея в виду не Данию этого, а собственную страну. Как констатировал автор книги «Новая история Британии» Антони Сампсон, еще никогда так «болезненно не ощущалась пропасть между работодавателями и работниками». Английский рабочий работает дольше, чем большинство его европейских коллег, зарабатывает меньше и имеет в среднем лишь две недели отпуска. Стоимость жизни возросла за последний год на 10,5 процента, и 884 тысячи человек вообще не могут найти работу. Оценивается, что и в этом году не будет больше миллиона. Болезненные симптомы проявляются во всей английской экономике. Забастовки становятся чаще и продолжительнее, чем когда-либо раньше: шесть недель не доставляли письма и почта бастовали 50 300 рабочих заводов Форда, долгие недели боролся за протаргетив в жизни «железнодорожники», не поднимались в воздух самолеты. Каждый поезд, каждую неделю не выходя газеты. И, наконец, была проведена всеобщая охотничья забастовка против закона, запрещающего забастовки. В 1970 году в Англии было потеряно 10,9 миллиона рабочих дней. Только за первые четыре месяца 1971 года потеряно уже 12 миллионов рабочих дней. Новый 1972 год ознаменовался новым мощным забастовочным движением. Крутившаяся с 1926 года забастовка английских горняков, длившаяся почти полтора месяца, закончилась победой. Консервативное правительство было вынуждено пойти на удовлетворение справедливых требований рабочих.

На с ним же идет забастовка мусорщиков: мешки с отходами выбрасываются на улицы.

— ШТЕРИ, ФРГ

— СЛАСЕН ДАЙКЕСТ, США

3.

Пустые пластмассовые банки, бутылки стали настоящим бедствием. Их разбирают повсюду — леу и на пляже, у дороги и на свалках. Но пластик разрушается очень медленно. Как ускорить этот процесс?

В результате исследований шведскими специалистами был разработан новый вид упаковочного пластика, который полностью разлагается под воздействием солнечных лучей, дождя и ветра за 6—8 недель. Обычные виды пластика в таких же условиях разрушаются в продолжение пяти лет.

Химический состав нового материала держится пока в секрете, однако, по заявлениям изобретателей, добываемый и полнитулену, он не является опасным для здоровья человека и, следовательно, не оказывает вредного влияния на содержание.

— КУРЬЕР ЮНЕСКО.

2.

По бытующему мнению, акулы и дельфины — неприимные враги. Известны рассказы очевидцев о жестоких схватках между ними. Лишенные мощных челюстей, безобидные, казалось бы, дельфины способны убить хищника, добраве же головой на огромной скорости.

Однако во время опытов, проводимых группой американских ученых во Флориде, когда дельфины и акулы разлучали, видопомощи в один водоём, ни одна из сторон агрессивности не проявила. Дельфины всегда занимали центральную часть бассейна, акулы же всегда держались у стенок. Но как только хищника пытались изменить курс и приближаться к дельфинам, один из

Автомобиль резко свернул направо и съехал на тротуар. Раздался крик. Показав женщина оказалась под колесами: «Я не умею водить, и еще только учусь» — объявлялась человек машины. Тем не менее он предвзято толкнул женщину самым настоящим водителем.

Ветеринарные растущим числом матерей на улицах западногерманских городов чиновники полиции решили провести расследование. Результаты шокировали. Оказалось, что многие владельцы машин, имеющие права, фактически не умеют управлять машиной.

В Мангейме, Карлсруе, не только других городов ФРГ, как выяснилось, легко приобрести права вовсе не обязательно сдавать экзамены. Нужно лишь заплатить за определенную таксу членам замаскированной комиссии.

Процедура получения прав не занимает много времени. Характере

рен такой пример. Розмари Г. была задержана полицией. Так как у нее не оказалось при себе водительских прав, ей грозил штраф. Однако Розмари удалось познать-Она была в компании с несколькими коммис, который проинформировал ее о том, что за три минуты уплаты еще 350 марок. Частей, чтобы избежать штрафа, контролерам из инспекции, регистрационному участку движения. На другой день Розмари получила инспекцию полиция свои права, якобы забытые накануне. Дело было уже улажено.

Список подобных примеров можно было бы продолжить, указав на различные случаи выдаче водительских прав, или выданы водителям, замешаны высокие выносе должностных лиц службы регистрации участку движения и полиция.

— «НИК», ФРГ

5.

«Награда тому, кто даст сведения для полиции, по поводу злоумышленника Иисусом Христом, объявляемого в буге и заговоре против установленного порядка. Часто посещает работников бездельных и бездельников. Профессиональный агитатор. Опасен.»

Листовка с этим текстом появляется периодически в Португалии. В первый раз она была распространена два года назад. После этого она появлялась каждый раз, когда португальское высшее духовенство усиливало свои репрессии против прогрессивных кругов духовенства Португалии и в ее колониях. Листовка вновь появилась прошлой весной по случаю процесса против Пьетро де Андраде, английского священника, осужденного за подрывную деятельность на три года тюрьмы. Появлялась она и в последнем месяце.

Португальские газеты не сообщали ни о недавнем изгнании из Мозамбика 43 священников-миссионеров, принадлежавших к «Братству белых отцов», ни о выдворении из Анголы около 20 священников, не согласных с действиями колонизаторской инспекционного корпуса. Сейчас диктор Марсело Катано находится в трудном положении. После изгнания белых отцов из Мозамбика папа послал монсеньера Марко Гаспари провести расследование. Папа намеревается лично изучить документы, доставленные дисциплярными архиепископ, бесчеловечной эксплуатации цветного населения. Португалия пытается навязать свой язык и культуру посредством католической миссии. В действительности же «цивилизаторская» деятельность Лисабона выражается в ограблении мозамбикского народа.

«Естественно, — продолжает отец Бертулли, — положение ухудшилось с началом партизанской борьбы». Фактически освобождение Мозамбика. Для властей каждый негр — реальный или потенциальный террорист. Когда они желают получить информацию, обычная практика — арестовать и допросить. Разоблачение этих фактов оказалось достаточным для того, чтобы попасть под наблюдение в

4.

Автомобиль резко свернул направо и съехал на тротуар. Раздался крик. Показав женщина оказалась под колесами: «Я не умею водить, и еще только учусь» — объявлялась человек машины. Тем не менее он предвзято толкнул женщину самым настоящим водителем.

Процедура получения прав не занимает много времени. Характере

ПИДЕ. За каждым нашим шагом начали следить. Нам давно обвинили, что мы поддерживаем контакт с партизанами. Нам приказали покинуть страну в течение 48 часов».

Отвечая на вопрос: «Если бы партизаны захотели, чтобы вы перешли на их сторону для того, чтобы использовать ваш опыт посетителя и ваше знание южанабиской действительности, как бы вы поступили?» — отец Бертулли сказал: «Перешел бы с большим удовольствием, стоило бы мне только пожелать. Партизаны борются за справедливое дело. И все население на их стороне. Мы знаем, что выпускники наших школ переходят на сторону партизан. Как мы можем им помешать? Кроме того, следует сказать, что партизаны нас уважают. Мы не можем сказать, то же самое о португальских властях. Если какой-нибудь португалец откажется прийти ночью по лесу, он наверняка попадет в засаду в течение 10 минут. А это кое-что значит, не правда ли?»

«ДЖОРНИ», ИТАЛИЯ

6.

Мода на украшения из «земных» материалов все громче захлестнула на выставке драгоценностей во Франкфурте-на-Майне демонстрировались украшения из метеоритных осколков. Правда, главным достоинством этих сереных камешков была их доступная цена — от 12 до 170 марок.

Однако американские шныбры собираются перешагнуть европейские. Они намерены наладить торговлю лунными камнями. Как сообщает «Уолл-стрит Джорнал», эти торговцы уже ведут переговоры с руководством НАСА о поставке нескольких ракет с астронавтами на Луну, дабы регулярно доставлять на землю лунный шорок. Предприниматели коммерсанты поспевают даже сообщить свои цены — один карат лунного камня обойдется «всего» в полторы тысячи долларов. Впрочем, НАСА хранит пока по этому поводу молчание.

«ВИБИ», ФРГ

7.

Духлетняя Ани Александр из Сан-Франциско является самой маленькой южанабиской в мире. Плавать она научилась в семь месяцев и сейчас демонстрирует под водой уникальный номер, который принес ей прозвище «маленькая

Худож». Ани показывает самый известный номер этого знаменитого фокусника начала века: со связанными руками и ногами бросается в бассейн и через минуту показывается из-под воды уже осведомившись от пул.

«ЖИВОТ», ЦСР

новый методом итрусин, представляющих опасность для здоровья и жизни детей. Заседание окончилось незапланированной демонстрацией: несозданный спрыблат механизм пластиковой ракеты, поставленной Шаррием на стол, и лишь случайность спасла одного почтенного сенатора от удара острого наемчика.

«БАЛТИМОР САН МЭГЗИНИ», США

9.

Французские рабочие предпочитают, что их ожидают «ближе времени». Первая серьезный сигнал пришел в прошлом году, когда фирма «Вендель-Сиделора» уволила 12 тысяч работников. Тогда были проведены первые попытки войти в контакт с министерством труда. Там ответили, что вся политика правительства направлена на уменьшение безработицы, на повышение квалификации рабочих и максимальное увеличение производительности труда. Это слова, а факты говорят о другом. Они показывают, что число безработных превысило уже 500 тысяч.

Для оставшихся на улице нет работы не только во Франции, ведь и в Англии сейчас число безработных превышает 900 тысяч, а в Италии — миллион. Западноевропейский профсоюз шактеров объявил, что 500 тысячам рабочих необходимо покинуть шахты либо перейти к 30-часовой рабочей неделе, чтобы все могли сохранить свои места.

Причины можно обнаружить легко, если проанализировать экспорт и импорт западноевропейских фирм. С середины шестидесяти годов началось оживление битвы за овладение рынками, неудержимое увеличение экспортной продукции. Это была вторая сторона процесса вывоза капитала, главная форма которого — открытие зарубежных филиалов.

К этому следует добавить и девальвацию доллара, которая вызвала за овладение рынками, немужных работников. Так начался процесс, который трудно остановить. Экономисты и футурологи предсказывают новое увеличение безработицы в этом году.

«НУВЕЛЬ ОБСЕРВАТЕР», ФРАНЦИЯ

10.

Группа конструкторов центральной исследовательской лаборатории разработала «умную» робота-«читателя» чертежей и производящую чертежи. Сборка и сборку деталей несложной конфигурации «составными частями» робота являются «глаза», «мозг» и «рука».

«Глаз» оснащен двумя телекамерами, из которых одна отбирает нужные детали, а другая «читает» рабочую схему, состоящую из стандартных чертежных символов в трех проекциях с разделительными линиями между отдельными деталями.

Основная часть робота — «мозг». Он представляет собой специализированный компьютер ХИТАК-7250. «Рука» робота — манипулятор с регулируемым углом наклона, приспособленным, обладающим семью степенями свободы.

Действие робота начинается с «чтения» чертежа. Принимая значительные отклонения в чертежах не связываются на точности его работы. В это время электронно-вычислительная машина вырабатывает трехмерную схему сборки пространственным расположением сообразных деталей. На следующей стадии вторая телекамера «рассматривает» эти детали и, «сравнивая» их конфигурацию с изображениями, полученными при «чтении» чертежа, отбирает нужную деталь. После этого ЗМ выдает сигнал на сборку, и «рука» робота, поочередно захватывая и поворачивая детали под нужным углом, устанавливает их в требуемую позицию.

Ученые другой конструкторской группы доктор Масаманду Задри считают, что пока это «довольно дорогая итрусина», однако он уверен, что в будущем возможности применения роботов значительно расширятся.

Японское правительство привило большой интерес проблеме создания искусственного «мозга» и несколько месяцев назад приняло решение об ассигновании в течение ближайших восьми лет 40 миллионов фунтов стерлингов на развитие этой отрасли техники.

«НЬЮ САЙЕНТИСТ ЭНД САЙЕНС ДЖОРНАЛ», АНГИИЯ

11.

Непопулярные водные лампы, снабженные двигателями, изобретает английская фирма «Кэузер». Они вымощены из стекловолокна с полиуретановым напылением. Управляются лампы рычагом, а который встроена на рукоятке дача двигателя. После включения двигателя лампы водостойко остаются на плаву в течение нескольких секунд. В состоянии покоя они вымощают над водой на несколько сантиметров.

«ТЕКНИШЕ РИШДЛАУ», ШВЕЙЦАРИЯ

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

принятия и общие идеи Оуэна, что казалось очень познавательно и чудно, были связаны с бесконечными (так как все-таки Овен не надеется, а действительно делает, что говорит). Во всем этом влился критично реально пробовавший теорию коммунистической гармонии и братства между людьми, которые составляли его собственный задушевный идеал. Оуэн оставляет Нью-Ленер, занимается бесконечным поиском практических неудач и развратной теоретической гипотез, гласной их пропаганды, а Добролюбов не изменяет дружеской интонации своего повествования. Самая важность, пора подвизать над ограниченностью утописта (слово это прикладывалось к Оуэну давно), упущенное, взявшееся в парламент, за свои идеи, издавая свой романтический «Манифест», однако автор статьи направляет три стрелы сарказма как раз против тех, кто окрестил его «Благодарным». Идея, что Добролюбов более всего дорожит в Оуэне нравственно содержание его социальных преобразований.

Высказывая избиратель себе средств... И идея эта была довольно интересна. Дурно, если практическая борьба поднимает духовное существо борца настолько, что цель отодвигается на второе место или по крайней мере отодвигается на третье место. Надо непременно быть в себе ощущение высшего идеала, сливая идеал со своим жизнью.

Добролюбов записывает для себя: «Социальные вопросы показались мне интересными только тогда, когда я был в Нью-Йорке». А когда это случилось? Когда его грустно потренировали мысли о том, что он-то каждый день может увидеть пириги и алмазы, увидеть теплые вещи, походить на шпелю, и найдется и такне, кто позавидует даже имеющему возможность есть хлеб каждый день... Вот и встретились снова худенький мальчик-индеец, и перенесли в память о каждом, а взростный человек Николай Добролюбов. Оба остро чувствуют боль и горь близкого своего, оба умяют боль ментальными, великими усилиями, усталостью. Когда может заранее полюбить незнакомую ему пока учителя немецкого языка Сладкопесова (того, кто не отпал — Бова от Добролюбов), по одному отгадывая возбудить в воображении прекрасный образ, и лелеять, и обожать его. Взростлый Николай Добролюбов способен полюбить, то справедливое обещание, то обаяние очертания которого дают ему опыты Роберта Оуэна.

Трагично напряжено была пружина жизни Добролюбова. Уже и современники хорошо понимали причину его ранней смерти — это несовершенство человека огромной внутренней силы, не имеющего возможности ее развратить. Компромиссы были не для него. И для него стала неизменною предвечной реальностью могила...

Хроника Добролюбова в простом основном гробу, выполняющего его волю, его завещание: «Похороните меня просто и дешево». Сейчас не знаю, насколько это было исполнено. Но гроб на руках несли от Литейного до Волкова кладбища. Сменяли друг друга литераторы, офицеры, студенты, гимназисты, люди, никогда не знавшие Добролюбова, но читавшие своим долгом поклониться его праху. На кладбище едва слышим шепотом, слова слышал несколько слов Некрасов, отец сменял Чернышевский, представлявший отрывки из дневника Добролюбова. Тело великого критика положили рядом с Белинским, оставалось и третье место рядом с ними, что не еще для него не было. «Сейчас же еще для него не было». — сказал Чернышевский в России, — сказал Чернышевский, бросая последнее горсть земли на свежую могилу.

Со стр. 21.

Палуба полна до краев. Саша кричит: давай все на засолку! Смайем бочки в трюм — тогда снова начнем выбирать. Сегодня черед выбора мурены, трюм ледя. Это довольно нудная работа. Первый руб еще не кончен, просто вытаскивать бочки по трюму, расставить их полотною, и ладно. А второй руб, а третий... Попазаше на моченых в обитую со 140-инчювыми мочеными надушками промывалки. Все на свете... Потом судно тряхнуло, я не удержал равновесие, свалился, а когда поднял голову, то увидел, как ледом на меня натил, гремев сорвавшимся обречем, гонящая надушка... Я только успел протянуть руку навстречу рукам, чтобы хоть как-то смягчить удар, как отступая сбоку вывернулся Лыткин, ловко иду по бочку своей ватной, согнул крепко расставленными ногами, принял удар. Когда я подбежал и немчу, он уже опрыкнул палубу на пол и раскидывая ссадину на присты...

Палуба свободна, и мы торопышимся, уже свечерело, мы молчим и опять сосредоточенно твям сети. Идет рубка, и мы берем эту рубку. Я стою на укладке сетей, и мне спускается ко мне через подстрельник, где ее трисут Воеводо с Плавной. Семен стоит на крыше трюма, широко расставив ноги, и весело поворачивает, подкаивая болячку.

Эх, пинца, полдароварства! Мы зависим друг от друга в работе. Если я слышню натую подборку, Воеводу будет неудобно трисуть, сеть высолонит, если члывае если, наборот, затеваюсь и остаю за подстрельником-машини, и него будет сматываться уже вытравленная рыба; если он забудет отдавать подборку неравномерно, я не успею уложить ее правильно, и сеть «подрежет» при выводе. Промочить арбу вытравляет сет, придется останавливать выработку и разбирать эту сеть. Промочить арбу вытравляет сет, и нас навалит на порядок, и начнется такое, о чем и говорить-то не хочется.

Все мы связаны в этой работе. Все это и есть море, это и есть протина, это море, небо, и оторваться совсем не видеть, обыкновенные морские сапоги и слесен селазки. Иногда рыба пахнет трюмом, но это уже мистика, это значит, что уже весна и что реис подходит и зонцу... Но нам далеко и до весны и до конца реиса.

солнце еще и не угнадалось на востоке. Снег лежал на паланине и на трюмах, на выбранных секторах и на краяхных низких изюдах.

За бортом желтые пятна иду почему-то двумя параллельными рядами.

— «Сдабы!» — кричит боиман! — Надрифаволо чей-то породак.

— Да, где-то штурмана Адамула Кадря.

На желтых буграх виден номер «70». Это не из нашей флотилии. Калининград? Наверное. На радиовеще капитанов обывалка: двадцать или тридцать траулеров потеряли порядки за время штормов. Из порта уже спешит СРТ — все еще сети подвешившим. Тасучу, что ли... На всех все равно не хватит.

Заскрипела сетеворобочная машина. Будем выбирать породак «70-го». А сетки новехонкие, идеаль, только с порты трюма, чулады. Адрюма, дожджидать радости за последние дни мы пошаркили уже десятки три сетей, а ведь у нас должно быть сколько-то процентов экономии промыворужения. И рыба идет хорошо. Просто отлачили «70-я» в рубком кладбище, а вот надрифаволо его породак пошел на наш члывару. Если так пойдет, кормовой и половиную носового трюма мы сегодня забьем. А там еще один хороший ардей — и к базе. Пора нам уже к базе. Возьмем гурено, дожджидать «зеленой кукуштуру». И письма свои поиндем, дабы затерялись они, а прошлый руб некогда было искать. «Рыба нам нужна, как китайцы рис», — говорит Сеи Воеводо, и мы выбираем чужой породак. Лыткин выбирает походу ардей, отлавливает. А кидать его в «куртинку»...

Но что же не он привизваллов позавчера этот буй. Не Воеводо кидал его в море.

Не мы ставили эти сети, и не Булгаков построил, чтобы не «подарем» вожака.

Мы молчим, мы выбираем чужой породак.

— А вот у нас на «670-м», — возмущенно рассказывает Лыткин, — тоже однажды чужой породак нашыл, выбрал по 300 на сетку, в два дня забавился — и к базе.

Почащи, Лыткин, — сквозь зубы говорит Иван Федоров.

— А чё? — угрожающе разворачивает грядк Лыткин, — ищем полное право.

И наступают тыщия. Фе, Лыткин, сетки друг против друга. Крижистый, крижкий, как причальники кинет, Лыткин в худой, Данилюрич, совсем сейчас похожий на пацана Иван Федоров. Воеводо медленно спускается с крышки трюма на палубу, осторожно идет, слышится, он очень медленно подходит и становится рядом с Иваном Федоровым.

Там уже и Коля Пензев.

— Отдохни, — говорит Лыткину Воеводо. — Замаялся, полд?

— А чё, а чё?

— А ничё. Дурак ты просто, Потычов, вот и все.

— Песец заморский.

— Куда идег! — радостно вопит боиман и Плавной.

— Стог!

— Да «70-я». На пелент мы вызвали — сейчас Плавной сказала.

— У-у, сонит Галяз б на них не гадали. Злойгой им рубу доить, а не сетями.

17.30.

— Как дела? — ворчит за спиной старпом. — Стихает как будто.

Он всматривается в метель, которая и не думает стихать, и мурмучет песню про штормок наш ничего, население таковое.

— Ты слышал, Палач, — говорит Женка, — что решил сказать «70-е» промочить уже втрое сетки на радиовеще капитанов не выходит.

— Это онг партизанит, Они всегда так: стом им в рубный квадрат забожать — тут же начинают врать свои координаты. Борится, что рубу у них вычеркают, что ли?

Пришел в рубку капитан. Он в ватнике, наброшенном поверху пиджама, и яловых сапогах.

Вот уж кому этот шторм надоел! Рейс перевала за середуны, а у нас нет и пятидесяти процентов плавца. За пять лет, что являл Баславак капитант, еще ни разу его СРТ не возвращали в порт под фанеры. Всегда — 98,99 или уж в лучшем случае ровнехонко 100 процентов. В этом рейсе все так удачно складывалось поначалу, быстро взяли первый трюм, вскоре прибежала к Лефотескским островам, там взяли груз (90 тонн) в три дня, быстро помыли к базе, потому что рыба шла хорошо и немаль было тереть ни дня. Но базы стояли у самых Штандла, под мякомом Аут-Скверис, до них шла больше суток, а потому рубить сеток болатоис около баз, охиджа, когда из порта пришеет тару... Потом, когда подошла палуба за тарой, потеряла еще сетки: на той базе, где была таря, не было томя; там, где была соля, не было промочено. У нас было промочено. В конце концов взяли тару и соля, занялись дипломатом, а за продуктами уже не пошол, рассчитывая быстро обернуться с новым грузом. Но рубя к этому времени уже промоча, за восемь дней вытравилась таря, и потому начался шторм. В первый же день, когда уткнуло, выметали сетки, и вот на тебе — уже сетки почти не можем их выбрать...

8.00 ПО ГРИНВИЧУ.

А в Москве уже 11. Радист включает трансляцию. Очень ктати: «Напомним прошловую трансляцию...». От тех, кто стоит на тряске, вальт пар.

Мы выбрали больше половины своего породака. Рыба идет невжало. Бочек ардей, едва наберем, иностраный буксир, все жала, пока мы запросим помощи, и все-таки мы выбрались, мы промывали, и пестрый флот остался позади. Позади шторм, а у нас цел породак — разве этого мало? Выбора зитхает. Уже видны концы буги. Хотелось курить. Воеводо поинимает меня, бежит в кубрик, возвращается, в азбух у него семь сигарет: Иван, Коля, боиман, старик Надрогдиск, Палака и я подходим к нему; обивались и широко расставив ноги, мы берем губами эти сигареты, закуриваем. Последней сетка на борту. Мы стоим рядом и курим.

Только Лыткин не курит. Он вообще некурющий.

P. S. А вышоланов мы план на 102,3 процентов. Может, с этого длинного дня и началось наше везение. Выхватил теперь уже капитан БМРТ — большого морозильного рыболовного траулера. Хороший капитан. Толяк Растворчев уже в вауку. У остальных вроде все ладно. Далеко это было. Но море и закомы море не стала нынча.

5.00. СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ.

К утру шторм стих. И выпал снег. Когда мы вышли на палубу, было светлее, чем обычно, хотя

Синие люди

арда не слышала, как отворилась дверь.

Перед ним стояла женщина.
«Мас от часу не легче! — подумал комиссар. — Только этого не доставало!»

Собственно, уютный буфур должен был подготовить Гарда к встрече «таинственной незнакомки», и такая мысль подсознательно мелькала у него, когда он разглядывал комнату, но как-то не задержалась, проскочила мимо, и потому реальность потрясла его больше, чем можно было предположить.

— Красотками! — не поняла сначала Гарда, но тут же сообразила, что имела в виду незнакомка. И тогда он бросил на столик газету с изображением полутопкой девицы и почти профессионально произнес: — А что? Неурна!

С одной стороны, Гарда невольно сыграл себе на руку, прозвевая на даму недумсысленное впечатление, но, с другой стороны, был этим внутренне бесконечно смущен.

Незнакомка плавно пересекла комнату и, присев на мягкое кресло напротив Гарды, улыбнулась. Она была определенно хороша собой. Темно-лиловые волосы плавно облегла ее стройную маленькую фигуру. На плече тяжело падали волнистые каштановые волосы. Никакой косметики на матовом лице, хотя отчетливо были видны морщинки вокруг устных глаз. Высокий, чистый лоб. Удивительная грациозность и естественность движений. Возраст? Гарда никогда не умел угадывать женские годы. Он вообще терялся перед женщинами, не умея ни допрашивать их, ни вести с ними светские беседы.

— Давайте знакомиться. Дина Динст. С кем имею честь?

Глубокий, грудной голос приятно контрастировал с миниатюрной фигуркой. Гарда приподнялся с дивана, кивнув головой и снова сел.

— Я хотела бы видеть шефа, — сказала она.

Дина Динст омаровато улыбнулась.
— Я упомянута представлять шефа, — сказала она. И, вероятно, оставив надежду выяснить имя своего собеседника, по крайней мере на этом этапе разговора, без паузы добавила: — Итак, чего вы хотите?

Чего хотел Гарда? Немногого. Он хотел выяснить, с каким ведомством имеет дело, кто его шеф, чем оно занимается и какова судьба Майкла Честера и еще ста сорока десятых детей.

Гарда сказал:

— Вышла ошибка, мадам. Я уже докладывал вашему помощнику. Моту повторить.

Гарда старался быть лаконичным, поскольку актер из него был невезливый и убеждать женских гангстеров он все равно не мог. Главное — не проявлять чрезмерного интеллекта, мало сочетающегося с ролью заурядного порученца.

— Повторите, — предлагала Дина Динст.

Комиссар вздохнул: мила, нодело мне это дело!
— Вышла ошибка, мадам, — сказала он по возможности равнодушным голосом. — Мне велено доставить груз обратно — мальчишку то есть.

— Кем велено?

— А тем, кто мне приказывает, — скитрился Гарда. — С грузом что-то напутали.

— Что именно?

— Черт его знает! С каким-то кодом.

Дина Динст с любопытством вскинула на Гарда глаза.

— Вам даже известно о коде?

— Я пользуюсь доверием, — сказал комиссар, «скромно» опуская ресницы.

И тут же он пожалел, что так опрометчиво упомянул код. Очевидно, это считалось большой тайной, о которой не всем было дано знать. В другой бы ситуации Гарда объяснил мадам, что даже самые страшные государственные секреты рано или поздно становятся известны большому кругу посторонних лиц, поскольку секреты сами себя не охраняют, а охраняются живыми людьми, и ста-

да быть, утечка информации возможна. Эти слова могли бы показаться ей убедительными, и ее обстоятельность, что сидишь перед ней рядовой порученный, что-то знает о коде, не вызвало бы у нее подозрения. Но комиссар промолчал: умное оправдание выдало его с головой, а гаупо оправдание было все равно не имело смысла. Пусть думает, как хочет — тактика «философов» по крайней мере была характерна для Боба Аншера и Юджина Харри, когда Гара безуспешно обрушивала на них допросы, основанные на логике.

— Да... — кратко резюмировала Дина Динст. — А какова судьба девочки, которую должны были доставить вашим рейсом?

— Откуда я знаю? — добродушно ответил Гара. Доставкой занимается другие. Я выполняю только свои обязанности.

Его тупости мог позавидать сам министр Вонел.

— Значит, не знаете? — Дина Динст задалась. — Имя девочки вам известно?

— Нет.

— А ребенка, которого вы должны забрать?

Гара подумал: «Еще перепутать!»

— Майка Честер.

— Кто вам назвал это имя?

— Эммануэла Бент, вы же слышали — сказал комиссар.

— Прекрасно! — Дина Динст даже повеселела. — Когда вам следует возвращаться?

— Дайте мне твердого ответа, Гара! — Если я не выполню поручение, мне голову снимут, маман, и даже вы не сможете.

Дина Динст вновь с любовью-отвержением посмотрела на Гара. «Каким же я кажуся ей болваном... — подумал комиссар — если она точно знает, что я и е. т. п.»

— Вернуть ребенка невозможно... — унылывшись, сказала Дина Динст.

— Почему? — внутренне холодея, проинес Гара. — Дайте мне мальчишку, три ампулы морфина... — и все дела!

— Мальчик уже в работе!

Не сдержавшись, она вновь рассмеялась.

От их слов и от сопровождающей их хохота у Гара чуть не вырвался крик. Он видел, как Дина Динст, он же изображал на лице полное равнодушие.

— Ну что ж, тогда я вернусь на континент, добука как есть, а вы, маман, расхлебывайте сами. — И нечего беспокоиться! — сухо заметила Дина Динст. — Мы уже делаем.

Вот оно что! Пока он спал, они, конечно, сваялись со своими людьми в Нью, получили исчерпывающую информацию, и разговор, который велась между Гара и женщиной, имел, вероятно, единственную цель — разведывательную. Она тоже его прощупывала, как он прощупывала ее, но с несравненно большим эффектом: Гара был слепым, Дина Динст — зрячим.

Фред в игре постоянно занимал свои законные места. Скоро должен был наступить момент, когда обе стороны, закончив разведку, перейдут в решительное наступление. Но прежде Гара все же обязан сделать еще одну попытку выкрутиться из сложной ситуации. И он пустил последний пробный шар.

— Да, дело серьезное... — сказал он, словно бы размышляя вслух. — Не знаю, чего вы там долагаете, но мне точно известно: если мальчишка не будет доставлен, возможны крупные неприятности.

— Как же? — с интересом осведомилась Дина Динст.

— Единственные официальные органы... — четко проинес Гара, явно нарушая границы избранного ампула, но теперь это, кажется, уже не имело значения.

— Зачем вам заботиться о том, что не входит в ваши обязанности? — с улыбкой сказала Дина Динст.

— Вы так думаете? Хорошо. Тогда мое дело сделано. Мне что? — вновь прикинулся Гара. — Дали мальчишку — порядок, не дали — уезду будет.

— Нет, дорогой мой! — поправила Дина Динст. Ее глаза вдруг стали стеклянными, остановившись. — Билет на обратный путь вам не понадобится.

— Интересно! — сказала Гара, хотя поняла, что игра кончилась.

— Он закури, даже не спрашивая разрешения у мамы. Более определенно выразить своего отношения к последним словам Дина Динст не имело смысла: имя не все было сказано, а потому как комиссара еще не пробили. Он перейдет в контратаку лишь после того, как станет ясно, какими он сведениями располагает Гара Динст. Теперь торопиться некуда. Гара и так совершил слишком много ошибок, проникла в зону, но он не мог их

не совершать, поскольку действовал наугад. Отныне было ошибкой становился смертельным.

— Вы можете не разыгрывать протестука, а говорить со мной серьезно? — сказала вдруг Дина Динст, опуская руку в маленький карман пальто.

— Да, да! — неожиданно согласился Гара. — Но при одном условии.

— Я слышано.

— Вы будете стрелять лишь после того, как нам двоим все будет ясно.

Глава 13. ЧЕРНЫЙ ХОД

Таратура не вошел, а сбился в номер к Честеру, стремительно наперев за собой дверь. Он был уверен, что Фред знает, что инспектор способен удерживать в себе заряд любых калибров, не выпуская их до тех пор, пока сам не посчитает нужным. Спросить сейчас Таратура? — Когда случилась? и расспрашивать на ответ было равносильно тому, чтобы навестить на получение шнурка из автомата, в который не собираешься опускать десятименной монеты.

— Опять кулуар? — сказала Честер, взглянув на его глупую голову Таратура. — Когда шерф вернется, я расскажу ему, как твой роскошный уик-энд устроила себе его помощник.

— И не забудь добавить, — попросила Таратура, — что я не просто кулуар, а в обществе очаровательной девушки.

— Это было уж слишком.

— Послушай, Дон-Жуан! — вскричал Честер. — Мне так же хочется шутить, как тебе быть серьезным?

— Во-первых, не Дон-Жуан, а Ромео... — Каждый Ромео наложил имя заканчивал Дон-Жуаном!

— Вы говорите, что тут плохо? Быть может, Фред ты и была на таких островах, как этот, а я никогда. Неужто мне неведая шедий раз испугаться в море? Если бы ты знала, Фред, как часто я мое под дождем, месья трез и позал по водонапорной башне и поалами! Когда мы устроили большую охоту на Кирилла Шолай, я целый час палы в канализационной трубе с пистолетом в лобку. Ведь ты не поверишь мне, если я попытаюсь тебе убедить, что не люблю плавать в канализационных трубах!

— Кончай прятаться. Сегодня ты чрезмерно бодался.

Честер вновь лег на кушетку, на которой встал с самого утра и которую, судя по всему, не собирались перемещать.

— Ты беспокоилась о Гаду, — сказала Таратура. — Я тебя понимаю. Но знаешь, что в этот момент больше всего заботит шеф?

— Правильнее сказать: кто? Мы с тобой! Он больше всего боится, что нас переловят. Тогда и ему крышка. Три трупа в море и заметка в «Прекрасном одиночестве»: «Незадачные хитменсы». Ты не помнишь, Фред, на какие ступицы испальтов покойники холодной воды, каяется, на девятке. А в tenth?

— Или к черту! — сказал Фред.

Таратура присел к нему на кушетку и доверительно, почти шепотом сообщила:

— Шеф в хорошем настроении, эта Сюзи Ейвал! Нет, ты согласишься, у нее очаровательная мордашка!

— Или к черту!

— Плавает от него! — продолжала задумчиво Таратура. — У нее акваланг! Мы решали вечером пальть в месте К Гарду.

— Что? — Честер вскочил с кушетки, как ужаленный. — Что ты сказала!

— Могу повторить: Улыбка исчезла с лица Таратура. Он, кажется, говорил серьезно, хотя в его глазах еще сверкала искорка смеха. — Я размышляла так. К сожалению, нам неизвестно, легальны или нелегальны организации, расположенные в зоне Э. Это действительно агент по подготовке разведчиков, но почему до сих пор не вернулся комиссар полиции Дэвид Гара с Майком в руках и тремя билетами на самолет и не сказал нам с тобой шепотом, чтобы мы не искали в случае встречи, с кем имели дело? Стало быть, нелегальны!

— Ну?

— Что «ну»? Не знаю! Вот об этом и стоит поговорить с Гардом.

— По радру!

— К черту радру. Надо встретиться и поговорить.

— Не строй из себя идюта! За последнее время ты так вжился в этот образ, что нас невозможно разглядеть!

— Благодарю! — сказала Таратура. — Я давно даю вам мое, вы, шеф, прекрасного обо мне мнения. Однако теперь есть возможность проникнуть в зону.

— И потерять свободу? Ты же сам говорила, что мы чужды не единственной гарантии безопасности Гарда!

— А почему ты решила, что мы отправимся туда вместе? И кто сказал тебе, что я собираюсь расставаться со свободой? Потому что ты решил и идешь в черном хоме.

— Расхиноино.

— За элементры риска мне дополнительно платят сто авадитрей кларков в неделю.

— Хорошо, что ты признала!

— Тут я, признаюсь, — ничего не признала. Вернее, я признала, что надо прямо спросить Сюзи, не знает ли она, как проникнуть в зону.

— Ты объяснила-зачем?

— Да, я сказала, что ты затерялся мой приятель и этого ей было достаточно.

— Ну?

— Она ответила, что не знает. И добавила, называя меня Арно. «Арно», — сказала она, — я часто плаваю с аквалангом. В четырех метрах от палая, за мыском, в море выходит какают-то туба...»

— Ну!

— Пожалуйста, не укуай! Я сразу вспомнил канализацию, но Сюзи сказала, что из трубы идет чистая вода. Правда, подогретая. Не свинялся мы с тобой, но канализация — это не канализация, что вроде бы не должны свариться. Тогда я спросил, точно ли эта труба идет из зоны. Она сказала, что точно не знает, но больше некуда. И тогда я стал уговаривать ее показать мне эту трубу.

Таратура умолял Честер жадно закурить сигарету.

— Уговори!

— Конечно, она боится. Она сказала, что в прошлом году два курортника случайно забрели в зону, их застрелили без всякого предупреждения, когда они поступали в стальные ворота. Скажи дамакам. Официальная версия была такова, что будто бы они наравлись на шамального бандита.

— Ты все же уговори!

— Уговори, улюбивший Таратура. — Ей хоть и страшно, но она не боится. Она знает. Кроме того, я... Одним словом, сам понимаешь.

— Хвастуй ты, инспектор, но молодец! — восклицал сказал Честер. — Когда же?

— Сегодня в пять часов. Я поручил ей достать акваланг.

— У с вами.

— Ну уж нет! — сказала Таратура. — Ты будешь нашей обидой гарантий безопасности.

Честер молча подождал, что Таратура, положив ему руку на плечо, сказала Сюзи. — Конечно, но Фред больше не мог, его нервы были на пределе. Кроме того, Таратура представила себе, какие глупости натворит Честер, оставшись один часа в море на сутки. Уж лучше пусть будет перед глазами.

— Ладно, Фред! — сказала инспектор. — Еще один акваланг я выпрашу сейчас в тире. Так менее подозрительно. Выйди в коридор. Никого нет! Я исчезаю. В пять на ладке, у нашего места! Понял? За не забудь!

Они пальцы клятвопреступным строем Сюзи вперед, за ней Таратура, Честер — замыкающим. На пляже похотливо, поаурались из-за отвода глаз, потом переминувшись, по очереди ныряли и ушли в глубину. Длинная цепочка, состоящая из инородных, чтобы не раскодировать воздух в баллоны, и поплавы дала. Честер пристегнул купленную накануне вечером подводный фонарь. Он колотил его по правому боку, мешая плавать. Что бы не отвлечь Честер поспешивала иногда вперед и замечал Честер, усматривавшего маячок тела Таратуры, его синие ласты, от мерных колебаний которых выхлался воздух, а еще вперед — черный кулуарный девайш. Она пыталась, была ниже и опускалась круче. Честер видел, как Сюзи зависла и плавно покатывалась на одном месте.

Они проплыли минут восемь, когда Сюзи внезапно нырнула и, мелко перебирая ластами, вертикально всплыла. Длинная цепочка была ниже и опускалась круче. Честер видел, как Сюзи зависла и плавно покатывалась на одном месте.

Они проплыли минут восемь, когда Сюзи внезапно нырнула и, мелко перебирая ластами, вертикально всплыла. Длинная цепочка была ниже и опускалась круче. Честер видел, как Сюзи зависла и плавно покатывалась на одном месте.

Три головы появились над водой почти одновременно. Сюзи выплывала загубник.

— Теперь совсем близко, — сказала она, — метр, тридцать, вот там, у самого берега.

Таратура и Честер, не дожидаясь, бросились к поверхности. Они уже проплыли всю бухту, откровенно расходясь за зеленым мыском. Дале берг был крутой, голый. Отшумориванные прибоем скалы стеной, шлоя, были кое-где маленькими островками торчащими из воды камнями.

— Была бы за мной, а когда я вам махну, включайте лампы, и пойдете вниз. Не потеряете свою пилку? — Сказал по-русски Таратура.
— «Они уже на сть», — отменял про себя Честер. — «Современные темпы!» Таратура ухмылился под маской и подошла себя по бедру, где у него был маленький карманный фонарик. Он вынул его из другого борта, висел оттянутый нож для подводной охоты: Таратура не поленится накануне и теперь имеет неадекватно экзипировку, за счет, разумеется, хозинтереса.

Созли тихо ушла под воду. Маленький фонарик с хриплым свистом вырвался из ее шпорецки. Таратура и Честер поспедали за ней.

Действительно, проплыл метров тридцать — содрогнувшись, слышал как потрещали в воде и режущаями акваланты на пшанте от баллонов и начали медленно погружаться. У Честера сдавило лоб. «Ничего страшного», — подумал он, — проделай. На глубине около двадцати двадцати пяти метров Созли обрывает и протягивает вперед руку, указывая направление. Теперь они плыли уже плотнее друг к другу, и Честеру некогда было разглядывать дно. Солнечные лучи пронизали и сюда, и если бы камни были светлее, тут, наверное, было бы совсем светло, но темные бугорки скалы и водоросли скрывали свет, рождая таинственный голубой сумрак. «В приключенческих фильмах в таких местах звучит электронная музыка», — подумал Честер.

Созли опять плывла чуть ниже и опять протянула вперед руку. Гамбуз в указанном ею направлении. Честер увидел какое-то черное овальное препятствие. Прерывисто выдохнул вперед, по лосам. По мере того как они приближались к этому пятну, все заметнее становилось движение воды, надувшей навстречу системным тельмами волнами. Они были уже совсем близко, и теперь легко можно было разглядеть, черное отверстие трубы и решетку из стальных прутьев в минигнет толщину. Из трубы действительно шла теплая вода. Но не горячая, а именно теплая, градусом тридцать. Вода было довольно чистой, но довольно сильно дула теплый ветер из аэр-кондиционера. Таратура коснулся плеча Созли и ткнул пальцем вперед. Потом обернулся к Честеру. Журналист кивнул: понятно, не слышал.

— Нас тут не пристрают! — Это были первые слова Таратуры, когда они поднялись на поверхность.

— Не знаю, — просто ответил Созли.
— Мы под свисток отступили назад, сказал Честер, обводя взглядом береговые скалы.

— Будем надеяться, — прошептал Таратура. — Теперь я принимаю командование. Фред и Созли не мешайте. Но так, чтобы не мешали. Если было видно с борта. Акваланты отключили, будем поворачивать голову. Когда я переключу решетку, позову вас. Фред, не вздумай ухаживать за Созли... Созли не пойдет с нами! — сказала Честер.

Созли кивнула головой, не ожидая, что ответит Таратура.

— Тогда поторачивайся! — Фред похлопал инструктора по плечу.

Таратура скривилась под водой. Прошло, кажется, не менее двадцати минут, прежде чем голова Таратуры залезла на волнах. Он начал говорить, еще не отдышавшись, и выстреливал слова короткими прерываниями.

— Пальцы трудно... удержаться не во что... Ну, пошл! Фонарь не потерял! Я вперед, ты позади Фред, а ты сзади... Он подмигнул Созли. — Держимся кучей, чтобы не потеряться... Таратура была вставил палец в рот и, издав какой-то предостерегающий акваланга, первым скривился под водой.

Честер секунду помедлил, взглянул еще раз на Созли, которая без голубых ресниц и пышной прически казалась ему сейчас совсем не похожей на девушку из корабельца, а была вполне нормальной девушкой спортивного склада, — надо же как естественность меняет человека в лучшую сторону! — и поспедала примеру Таратуры. Сделав упор под воду Созли.

Труба была широкая, метр полтора в диаметре, пальть было легко, и Таратура только изредка касалась руками стенок, скользящих на ощупь. Честер отставал, держа мешок фонаря, не говоря уже о том, что движение замедлялось из-за течения в трубе.

Они проплыли метров сто, когда Таратура остановилась и поднял вперед пальцы. Честер и Созли отпустили ушлышки, плали над ней. Плыли довольно там кто-то ходил. Один раз он даже послышался голоса. Слова разобрать было невозможно, но Таратура мог полагаться, что слышал разговор двух мужчин. После еще ста метров Таратура двинулась дальше. Вскоре плывущий вперед инструктор опять остановился и прислушался. Он уловил какой-то страннй звук — бульканье не бульканье, скорее журчание, плавно повторяющееся, словно

кто-то пощипывал в огромной кастрюле бульмащущей ложкой. Таратура осторожно двинулся дальше. Звук нарастал. Вода стала заметно треметь, что указывало на звуков. Таратура не сразу это почувствовала. «Теплая вода! — это прекрасно, — успокоил себя Таратура. — Меньше расходуем кислорода!» Но, честно говоря, сплоскившие не приносили никакого удовольствия. Таратура не сразу же тревожился все больше. «Встанет в какой-нибудь насос и изрубит на куски!» — подумал он и оглянулся. — Созли, наверное, не стоило брать с собой...»

Еще успел Таратура сделать и пяти грёбок, как труба оказалась перед ним. Таратура не сразу это увидел в стороне, под ногами тоже не было слышимой возгнущости, разом изменился тон звука. Таратура исплавила медленно. Он знал, что Честер и Созли тоже исплавили медленно, но было их не сразу заглянуло шипение и журчание. Он исплавил претом. Со всех сторон его окружала теплота. Внизу голубая форма Фред. Вот и он. А вот и Созли. Луи фонаря, поднятого над водой, уперся в серую бетонную стену.

Честер медленно повел руку. Они находились в круглом зале метров десяти в диаметре, со сводчатым потолком, расположенным на высоте около двух метров над полом. Воздух, застоявшийся, спертый, видно, что этот воздушный колокол резко проветривался. Почти все пространство зала занимали какие-то трубы, идущие сверху, из сводчатого потолка. Они были разного диаметра, но было их очень много, и стояли они густо, как бамбуковая роща. Таратура хотела ухватиться за одну трубу, но тут же отдернула руку: труба была горячая. В проточках водопровода, но было их очень много, что издавало тревожащий звук. Это была вполне мирная крылатка, очень похожая на вращающиеся двери, которые делали в старых гостиницах. Позиция Честера была не лучшей, но меньшая дверь, опущенная на которых поворачивалась водородсер, медленно, с тяжелым вскрипом вращалась, переюгая воду, которая с журчанием отбегала частотку труб.

— Чего-то вроде теплообменника, — сказал Честер тоже шепотом. — Говинут воду и охладят эту трубу.

— Похоже, мы в огромном автомобильном двигателе! — Смотрел! — переключил Таратура Созли и показала руку на серую позоди них.

Все обернулись. Честер повернул фонарь. Над ними как баллонами висела маленькая площадка, падающая вниз, какие деловит снаружи здания для пожарных. Из воды на площадке веела асеская, а прямо напротив нее в серой бетонной стене ясно было видно, что именно кадет.

Таратура не говори ни слова, подыкала к асеске и поднялся на площадку. Созли поспедала за ним и присела на большой комок брезента, свернутого в рулон и, вероятно, кем-то забытого на площадке. Для Честера места уже не было, он встал на асеске, освещая дверь.

— Ну, что я говорил! — торжествующе зашептал Таратура. — Вот вам и черный ход!

— Пля отперлась! — переключил Созли. — Слышите...

— Внимание, говорит главный пух! — раздался за дверью сухой, ровный голос. Он был слаб, звучал отходя от издедка и сверху, но все отчетливо слышалось. — Дно предельно тонкое и разгерметизировано. Срочно делайте все, что атмосфера в блоке «М» начинать только после останков центрального насоса!

Голос умолк.
— Шеломом сказал Таратура. — Это дверь, которую мы искали. Весь насос, как в нее войти.

Никаких рывков, даже выступил не было. — Пля отперлась, изнутри и к нам, — сказала Честер.

— Откуда вы знаете? — спросила Созли. — Здесь, где мы находимся, избыточное давление, — прошептал Честер. — Ведь мы явно никак удерживать давление, чтобы оно не вырвало, надо уравнивать давление снаружи и внутри.

— Пожалуй, ты прав, — прошептал Таратура. — Или искать другую дверь?

— Нет, — ответил робко попрощался Созли. — Потому, крошка, — переключил Таратура. — Общая схема нам ясна. Ничего, как видите, страшного нет. Он внимательно разглядывал комок брезента, на котором сидела Созли. — Все очень просто. Мы сейчас делаем робко делайте все, что атмосфера в блоке «М» начинать только после останков центрального насоса!

И Таратура изложил в нескольких фразах свой план: если с помощью брезента навести пластырь на то отверстие, через которое они исплыли и через которое вода продолжает падать, движение этой воды, по существу, прекратится, а следовательно, теплоемник перестанет срабатывать, а дверь, по мнению Таратуры, легко откроется.

С пластырем справились довольно быстро и закалились на асеске и площадке. Лестке противостоит создание, работающее криволинейно, удачно было в трубу. Поскольку стока воды не было, ее уровень в камере поднялся, но ненамного. Честер погасил фонарь. Он вносил сюда на асеске. Таратура потянулся к Созли на площадке, чтобы проверить, насколько она нагрелась.

Вода трельса доводило медленно, но трельса. Минут через тридцать было уже горячо. Честер пошел к тепломеру, приближаясь градусам к пятидесяти. Стало душно и по-настоящему жарко, но они терпели.

Варуд за дверью раздался уже знакомый сухой голубой шумок. Созли и Таратура подошли к пятидесяти.

— Внимание, говорит центральный пост. Перегрев во втором контуре реактора. Посты 73 вить температуру во втором контуре.

— Ага! — тихо завопил Таратура. — Долго на конете!

В этот момент тон звуков в зале, к которому они уже привыкли, изменился. Честер зажег фонарь, и они увидели, что крылатка стала вращаться. Честер заметил, что вода стала литься ленькие волны кинетика, а брызги достигли ног Честера.

— Все идет по расписанию, — сказал Фред. — Опасения, что крылатка, чтобы увеличить теплосъем, не стала претить задверь, ничего у них не выйдет.

— Слышал, — сказал Честер Таратура. — а ведь у нас еще одна неувязка получается. Если дверь отперлась, вода, к камере, то, когда она начнет открываться, она прижмет нас, и придется прыгать в кинеток.

Созли жалобно пискнула.

Таратура молчал. Потом сказал: — Значит, так. Если дверь начнет открываться, Созли стает за дверь, а я побеспокою, чтобы она не очень сильно раскрылась. Ты, Фред, на всякий случай...

— Слышал, — сказал Честер Таратура. — а ведь у нас еще одна неувязка получается. Если дверь отперлась, вода, к камере, то, когда она начнет открываться, она прижмет нас, и придется прыгать в кинеток.

Созли жалобно пискнула.

Таратура молчал. Потом сказал: — Значит, так. Если дверь начнет открываться, Созли стает за дверь, а я побеспокою, чтобы она не очень сильно раскрылась. Ты, Фред, на всякий случай...

— Слышал, — сказал Честер Таратура. — а ведь у нас еще одна неувязка получается. Если дверь отперлась, вода, к камере, то, когда она начнет открываться, она прижмет нас, и придется прыгать в кинеток.

Созли жалобно пискнула.

Таратура молчал. Потом сказал: — Значит, так. Если дверь начнет открываться, Созли стает за дверь, а я побеспокою, чтобы она не очень сильно раскрылась. Ты, Фред, на всякий случай...

Созли жалобно пискнула.

Таратура молчал. Потом сказал: — Значит, так. Если дверь начнет открываться, Созли стает за дверь, а я побеспокою, чтобы она не очень сильно раскрылась. Ты, Фред, на всякий случай...

Созли жалобно пискнула.

Таратура молчал. Потом сказал: — Значит, так. Если дверь начнет открываться, Созли стает за дверь, а я побеспокою, чтобы она не очень сильно раскрылась. Ты, Фред, на всякий случай...

Созли жалобно пискнула.

Таратура молчал. Потом сказал: — Значит, так. Если дверь начнет открываться, Созли стает за дверь, а я побеспокою, чтобы она не очень сильно раскрылась. Ты, Фред, на всякий случай...

Созли жалобно пискнула.

Таратура молчал. Потом сказал: — Значит, так. Если дверь начнет открываться, Созли стает за дверь, а я побеспокою, чтобы она не очень сильно раскрылась. Ты, Фред, на всякий случай...

Созли жалобно пискнула.

Таратура молчал. Потом сказал: — Значит, так. Если дверь начнет открываться, Созли стает за дверь, а я побеспокою, чтобы она не очень сильно раскрылась. Ты, Фред, на всякий случай...

Созли жалобно пискнула.

Таратура молчал. Потом сказал: — Значит, так. Если дверь начнет открываться, Созли стает за дверь, а я побеспокою, чтобы она не очень сильно раскрылась. Ты, Фред, на всякий случай...

ким тоном. Слово утешда муравей на чайном блюде.— Но этого же все-таки грестя?— спросил он задумчиво.

— Да, муравей! Говорит глумливый пульт! Аварийный режим перегрева второго контура реакторной— раздалось откудато сверху, но гораздо громче, чем из-за крышковой двери.— Пост 73, немедленно доложите, что у вас там происходит. Вы слышите меня, пост 73?

— Самшу, самшу,— сказала ремонтник так, как обычно говорит самому себе.— Уго него же все-таки грестя?

— Вы заткнули трубу,— сказала Честер со смущенной улыбкой, поднимаясь по лесенке.

— Чем?— спросила ремонтник.— Брезентом?

— Да,— ответила Честер.— Вот, смотрите!— Он держал за веревку, подставил мокрый брезент, от которого валла пар, и шлангов с брызгальем и свистом пошел в освободившуюся трубу.

— И правильно сделали, что заткнули,— невозмутимо сказала ремонтник.— Давно надо было сделать так, чтобы все у них пошло по чертовой матери.

Тут только Честер разглядел его. Ему было за пятнадцать. Довольно грузный, длиннорукий, он был одет в рабочий костюм, подпоясанный ремнем. Лицо его, несколько одаутавое, припухшее, походило на лицо только что разбуженного человека, да и по глазам можно было понять, что он лишь недавно встал.

— Вас тут трое?— спросила ремонтник.— Или больше?— И, не дожидаясь ответа, сказала Честеру:— Брезент на лестницу и пошли наверх: жарко тут.

Тарату по своим пистолетом, а за ним Сюзи с Честером поехали по скобам вверх. Ремонтник затворил за Фредом дверь, повернул штурвал замка и крикнул вверх Тарату:

— Там у лодки красная кнопка. Нажми и отворачивай лодку!

По свисту воздуха и болю в ушах Честер понял, что он шлоза стравивают воздух. Потом что то щелкнуло и светлая пелена встала перед глазами. Честер и Сюзи светлая Тарату открыла лодку. Он высвободился осторожно, держа наготове пистолет. И первое, что он увидел, были зеленые галсы, тросовые и ламы, смонтированные прямо на него, на ступень у пульты. Тут Тарату отключил световые приборы. Это была небольшая, очень чистая круглая каюта. Посредине стояла пульт, довольно маленькая и с обчичными, ничем не примечательными деталями. Поверх пульты стояли тумблеры и штурвалызамки. Два стула на винтах, маленький шкафчик, и ничего больше. Стены отделаны керамическим пластиком, светлячки упританы в потолок. Короче, в высшей степени скромная обстановка.

Следом за Таратуной подмался Сюзи, затем Честер и, наконец, ремонтник. Силы аквалити и присоски их к стене Таратуна обошла пульт с пистолетом в руках, оставив мокрые следы на пластике. Сейчас в этой обстановке он выглядел очень глупо в плашке с дуррачим пистолетом, но и девать пистолет ему было некуда. В том же каюте, на полу образовались лужи и лодки, как будто вода была выжата какой-нибудь индустрией. Кот с брезгиваным возмущением сморщился мокрыми лодки.

— Нет ли у вас чем вытереться?— робко спросила Сюзи.

— Есть,— ответила ремонтник и достал из шкафика полотенце, не сказав тогда свежее, но терпимое.

Сюзи начала отжимать волосы. Честер подумал, что теперь, когда после всей этой недели волнений и приключений они достигли наконец желанной цели, никто не знает, что делать дальше. Все ждали схватки, борьбы, перестрелки, а оказались в какой-то мирной уютной каюте.

— Ну, что же,— сказала Честер, переминяясь с ноги на ногу,— давайте знакомиться.— Он протянул руку ремонтнику.— Фред.

— Очень рад, Валтер Шиз,— буркнул ремонтник и сгнул руку.

Селава кинес в купальнике, представлялась Сюзи. Таратуна переложила пистолет в левую руку и тоже поздоровалась, назвав себя. Помолчали. Шиз подождал к пульту и долго рассматривал катушки.

— Порадок,— сказал он то ли самому себе, то ли кому, но, во всяком случае, не гостям.— Пошла вниз.

— Температуру?— участливо спросила Честер.

— Ага,— отгугила Шиз.

— Вновь помолчали.

— А где мы, собственно говоря, находимся?— наигранно легкомысленным тоном спросил Таратуна.

— Внимание, говорит глумливый пульт,— раздалось из динамика.— Пульту 73 доложить о причинах перегрева!

Шизу лично пошла к пульту. И следов замешательства нельзя было заметить у него, хотя чувствовалось, что докладывает ему нехота.

— Говорит пульт 73,— гутало сказала Шиз.— Перегрев произошел из-за закупорки отводящего трубопровода.

— Какой еще закупорки?— раздраженно спросил динамик.— Чем закупорился ваш трубопровод?

— Брезентом,— сказала Шиз и замолчала.

— Как могла закупориться пультотометровая труба брезентом?— недоумевава глумливый пульт.— Вы что, специально все заткнули?

— Да,— сказала Шиз и замолчала.

— А кто заткнул?

— Двое парней и девчонка,— сказала Шиз.

— Какие парни? Какая девчонка? Откуда вы знаете?— кингилась на главный пост.

— Знаю,— сказала Шиз и замолчала.

Таратуна двла пистолетом и не знала, что ему делать. Честера все эта откровенность совершенно вышибла из себя. Сюзи почувствовала, что ноги ватные и опустылась на стул, да ледяной кот. Раздалась громкий, хриплый вопль.

— Кто у вас там вопит?— запросила главный пост.

— Извин,— отгугила Шиз.

— Какой Извин?— теперь уже вопла главный пост.

— Кот,— объяснила Шиз.

Сумасшедший дин.— После этих слов динамик продал,— главный пост отключился.

— Зачем же вы...— начал Таратуна, но Шиз перебила его.

— А пошли они все к дьяволу!— с досадой сказала он.— Зря мы вытаскивали брезент, пусть бы у них все эта чертовщина распалась ко всем чертам!

— Какая чертовщина?— осторожно спросила Честер.

— И большой купол тоже,— сказала Шиз.

— А что это за большой купол?— спросила Честер.

— Ну, купол такой.— В общем, долго рассказывать,— сказала Шиз. Было ясно, что никаких подробностей полагать не следует, но он не сдерживал, просто ему не хочется объясняться.

— А что тут вообще происходит?— в лоб спросила Таратуна.

— Ну, купол не пошла Шиз.

— В зоне,— сказала Честер.

— Тут все эта чертовщина, но самое главное,— он селла назу и многозначительно подмла вверх палец самой ладонью, что и, старый дурак, им помогало делить синеньких.— И Шиз горестно покачала головой.

— Каких таких «синеньких»?— спросила Честер.

— Ну, как вы сказать,— Шиз развел руками.— Синенькие— это синенькие.

— Это лодки?— спросила Таратуна.

— Да какие к черту лодки!— рассердился Шиз.— Нет, мы тут работаем брезент. Надо было кончать с этим делом.

— Сколько человек работает в зоне?— спросила Таратуна.

— Человек тридцать. А может, сорок. А может, четыре тыщи,— сказала Шиз.

— Вы не знаете, где наш товарищ, который попал сюда вчера?— спросила Честер.

— Сидит в кабинете этого дьявола,— сказала Шиз.

— Какого дьявола?— спросила Честер.

— Динст.

— Это далеко?— спросила Таратуна.

— Не очень.

— Можно ли его проинт?

— Можно. Через главный пост. Но там охрана. Три человека.

— А где же остальные?

— Чего это за ААФ13?— спросила Честер.

— Лаборатория. Хирургия и физиология. Или физиология и хирургия, черт ее знает.— А какого черта вы меня спрашиваете?— вдруг возмутилась Шиз.— Я бы хотела вернуть всю эту зону к чертовой матери, я вам помогу, а допринять себя не позволю!

— Ну, что вы,— сказала Сюзи,— вы так интересны, что я не могу от вас оторваться.

— Тогда другое дело,— смирилась Шиз.

— Понимаете, нам очень надо увидеть нашего друга,— сказала Честер.— Для этого мы и...— он кинула на лодку,— был вынужден все потребовать.

— Понял,— сказала Шиз.— Поиная.

— Куда?— спросила Таратуна.

— К вашему приятелю.

— А охрана?— спросила Таратуна.

— Так у тебя же есть эта штука.— Шиз кинула на пистолет.— Перестрелий их всех к чертовой матери!

— Стрельбу поднимать вряд ли стоит,— осторожно возразила Честер.— Их надо разоружить и, может быть, связать.

— Валайте валките,— разрешила Шиз.

— А чем?— спросила Сюзи.

Честер и Таратуна начали беспомощно опираться по сторонам.

— У меня есть резинные трубки,— сказала Шиз.

— Не годится,— сказала Таратуна.

— Есть провод,— предложила Шиз.

— Да, есть провод,— сказала Таратуна.

Шиз достала из шкафика моток провода.

— Кусачки взять?— спросила он.

— Беря кусачки,— сказала Таратуна.

— Надо взять кусачки,— кивнула Шиз.— У них на пульте микрофон для переговоров с верхом.

— А наверх как поднимается?— спросила Честер.

— Есть два лифта,— сказала Шиз.

— Их можно отключить,— возразила Честер.

— На главном пульте проسة простого,— сказала Шиз.

— Отключи,— сказала Таратуна.— Итак, я их держу.— Фред и Сюзи вяжут, а ты,— он сгнул руку Шиз.— вырубай микрофон и отключай связь с верхом.

— Это мне ничего не стоит,— сказала Шиз.

— Сюзи,— сказала Таратуна,— ты начнешь психическую атаку.

— Так вот,— сказала Диня Динст,— у нас накопилось много сомнений относительно вас, и пока мы их не разрешим, вам придется воспользоваться нашим гостеприимством. Впрочем, не исключено, что вы сами захотите помочь нам, и тогда дело пойдет исчерпано. Уважайте это, о чем я говорю?

— Старуюсь,— сказала Гард.

— Отлично. Свои сомнения я изложу вам в той последовательности, в какой они возникли. Прежде всего,— сказал ее брат откровенно. («Еще бы!— подумала Гард.— Волк тоже имеет право на откровенность с козленком!») Во-первых, дорогой мой, ваше прибытие к нам вопреки инструкции не было полностью согласовано с нами. Во-вторых, вы не остановились в том отеле, где обязаны останавливаться наши лодки. В-третьих, вы не знаете пароля, хотя в вашем распоряжении были подлодки. В-четвертых, только специалист мог так на нашому агенту набрести на вас и доставить в зону. Кстати сказать, вы очень позавани наших сотрудников своим нелегким приходом, но это так, к слову. В-пятых, вы не знали, что должны любому «синеньку» по первому требованию называть свое имя, и никакой инструкции, запрещающей это делать, не существует. В-шестых, наш филиал в Нью уже ответил на запрос, сообщив, что Майкл Синер не является нашим сотрудником и что никому не поручалось сопровождать его обратно. В-шестых, дорогой мой, обнаруженная незнание элементарных правил, вы одновременно поразительно осведомлены в таких вещах, которые являются основой работы, но и старшим агентам. Вы поминку что, существование которого известно только вам?— спросила Диня Динст.

Гард промолчала.

— Но это еще не все. Ваше появление на острове совпало с некоторыми печальными для нас событиями. Девочка, которая должна была прибыть тем же рейсом, как вы, и которая должна была сопровождать вас,— старшая из наших девочек, но и перелана нам на аэродроме. В газах уже помещена идеальная фотография: ребенок в объятиях счастливающей матери. Дуррак, разве в этом счастье? Поиная объясняя фамилию, выте рожков, якобы утративших ребенка, но мы проверили списки, каким образом рожкам удалось пережить девочку у наших агентов. Но дело не только в этом. Дело в том, что агент, долженствующий сопровождать Шиз ребенка и его ребенка, был известен с вакуумной версией... Достаточно? Или вам мало?

Ей трудно было отказать в лопке.

— Таким образом,— продолжала Диня Динст,— я прихожу к выводу, что вы не тот человек, за которого себя выдаете.

Продолжение следует.

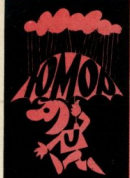

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

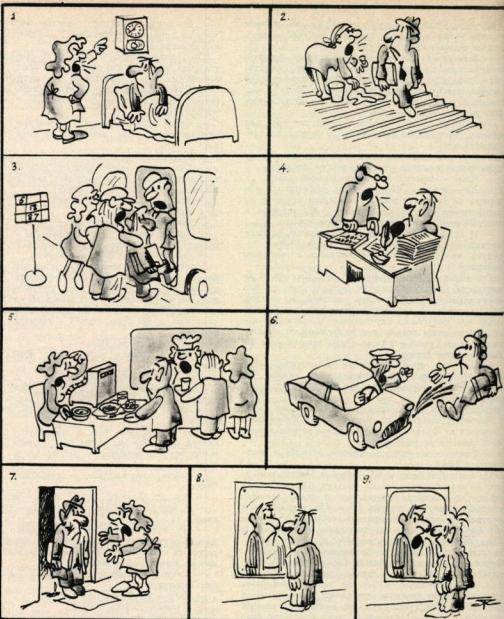
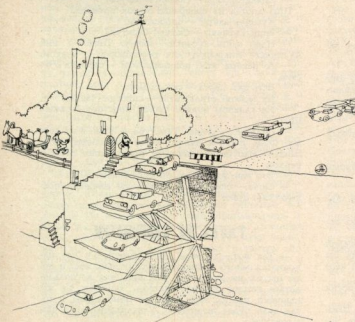

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

Шахматная олимпиада

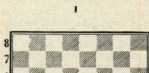
СМЕНЫ

(см. №№ 2 и 5)

ТРЕТИЙ ТУР

В очередном, третьем туре участников нашей шахматной олимпиады предлагается решить задачи и этюды, а также разработать позиции из турнирных партий. Срок выполнения заданий — 15 июня с. г. (по почтовому штемпелю отправления письма и решения). Напоминаем, что читатели «Смены», находящиеся в отдаленных районах страны и за рубежом, могут прислать свои ответы ежемесячно по почте, то есть не позднее 15 июля.

ВОТ ТАК ЗАДАЧА!

Белые начинают и делают ничью (3 балла).

II

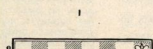
Белые — Крe6, Лa8, Кd2, п1, b2, d5, f2, g5, h2.
Черные — Крd4, Фh1, пb3, d7, h3, b7.
Белые начинают и выигрывают (4 балла).

Белые начинают и дают мат в два хода (2 балла).

II

Белые — Крe6, Фe2, Кe6, п1, d5, e3, e7, f5.
Черные — Крe4, п. e5.
Белые начинают и дают мат в три хода (3 балла).

ЭТЮДЫ — ВСЕГДА КРАСО

Ход белых. На первый взгляд их положение незавидно. Так ли это на самом деле? (3 балла)

II

Белые — Крf1, Лd2, Лh1, Сe2, Иf4, п1, a2, b3, c2, b6, f2, g2, h3.
Черные — Крf7, Лd7, Лf6, Сe6, Кe5, п1, a6, b7, c5, e4, f5, f6, g6.
В этой позиции белые сыграли 23. Лe1. С какой логичной слезой этот наукоуший ниссический маневр? (5 баллов).

СЛУЧАИ ИЗ ПРАКТИКИ

Белые — Крf1, Лd2, Лh1, Сe2, Иf4, п1, a2, b3, c2, b6, f2, g2, h3.
Черные — Крf7, Лd7, Лf6, Сe6, Кe5, п1, a6, b7, c5, e4, f5, f6, g6.
В этой позиции белые сыграли 23. Лe1. С какой логичной слезой этот наукоуший ниссический маневр? (5 баллов).

СВЕРЬТЕ СВОИ ОТВЕТЫ

Приводим краткие решения позиций первого тура этой олимпиады, опубликованных в № 2 журнала. Задачи — 1. Лd1! К:d6+ 2. Сf6+; 1. Ле1! Ф:e6 2. Л:d2+ Крf3 3. С:f4+ Эюд —

1. Фb5-Крb2 2. Лh2! Ф:h2 3. Фb8+; 1. белые выигрывают. Из практики — 1. Кg5! f2 2. Крd4 3. Крf3 a3 4. Крe1 a2 5. Крd3 a1Ф 6. Крe4 и 7. d3 с матом.

ПОБЕДИТЕЛИ НАШЕГО КОНКУРСА

Более 7700 читателей «Смены» вышли на старт нашего традиционного шахматного конкурса, объявленного в № 18 журнала основным занятием года. Работа жюри по подведению итогов этого замечательного соревнования будет закончена в апреле — мае с. г. Согласно условиям конкурса, 3445 участников станут шахматистами разряда «мамы».

В группу победителей конкурса, приславших наиболее полные решения, вошли: моряк Ф. Рыбинин (Мурманск), инженер-металлург П. Овчменко (Кировый Рог), маляр И. Фугасова (Новосибирск), врач-медиаثر И. Воскресенская (Петрозаводск-Камчатский), студентка Г. Фомасенко (Киров), Г. Левингер (Харьков), С. Мутинадзе (Тбилиси), Б. Покляшинов (Великие Луки), Л. Гафуров (Уфа), Е. Попов (Варна, Болгария), комбайнер В. Назаренко (Витебская область), журналист Д. Гоосен (Алтайский край), учитель истории М. Кононов (Воронеж), инженер А. Дринов (Ангарск), продавец В. Сулейманова (Фрунзе), школьник В. Веселдин (Красный Луч), И. Дудорова (Ленинград), рабочий стро-

ительно-монтажного управления Г. Добролюбов (Москва), почтовый служащий Р. Витославский (Броула, Польша), лаборант-химик Б. Ковальш (Дроздов, ГПР) и еще 86 человек. Все товарищи, отличившиеся в конкурсе, награждаются дипломами.

Предлагаем вниманию читателей в сокращенном виде ответы на конкурсные вопросы. Задача № 1 — 1. c3! Сc4 2. Ф:d4+; Задача № 2 — 1. Фe2! f2:с3 2. Кd7! Сc3 3. Кe5+ (всем участникам учававшим в решении этой задачи, также присуждено по 3 очка).

Задача № 3 (судя по читательским письмам, именно эта миниатюра больше всего понравилась участникам конкурса) — 1. Кe4! Кр:e4 2. Фd3! Крf3 3. Фd4+; Задача № 4 — 1. b4! f4 2. h4+ 3. g1 Ф:e4 4. f2 Кd6 5. e4! f2:с7 6. Кh1! Задача № 5 — 1. Сe7! Крd4 2. Сd6+ Крe4 3. Сb2! Крd4 4. Сd1 Крe5 5. Крf2 Крd4 6. Крe4.

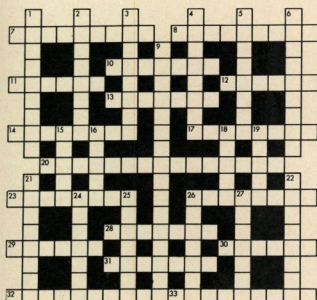
НАШ АДРЕС: 101457, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Славо в набор 3/III 1972 г. А00893. Подписано к печати 27/III 1972 г. Усл. печ. л. 3,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 703. Заказ № 2650. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125866, Москва, А-47, ГСП, ул. «Арбатская», 24. Формат бум. 70x108/16. Заглав. Заглав. № 2650.

КРОССВОРД

Составил В. АНДРЕЕВСКИЙ, г. Москва

По горизонтали:

7. Степень мощности, скрытых возможностей. 8. Ускоритель заряженных частиц. 10. Сигнальное устройство в автомобиле. 12. Город в Белоруссии. 13. Овальная дощечка для смешивания красок в живописи. 14. Весенний цветок. 17. Катушка индуктивности для регулирования силы тока в электрической цепи. 20. Процесс создания новых слов. 23. Строительный теплоизоляционный материал. 26. Наука о растениях. 28. Побеждать в спортивной игре на переноске. 29. Русская народная песня. 30. Минерал, равномерность чистого углерода. 31. Советский фильм, знаменитый. 32. Горная железная дорога с канатной тягой. 33. Привал, соединяющая две несмежные вершины многоугольника.

По вертикали:

1. Вертикальный выступ, укрепляющий стену, потицу. 2. Смысл, содержание. 3. Карело-финский эпос. 4. Выщелось ягодное растение. 5. Сочетание действий, свойств, составляющих одно целое. 6. Сельскохозяйственная машина. 9. Часть опоры вала. 10. Оптический генератор. 16. Город в Вологодской области. 18. Способ печатания. 19. Озеро в Армении. 21. Международное соглашение по научному вопросу. 22. Исполнитель былин. 24. Шахтерский город в Нижегородской области. 25. Устройство для управления летчиком в катапультировании. 26. Наука о развитии жизни. 27. Ученый, исследующий строение вселенной.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

5. Полупроводника. 8. Буддийский. 9. Обращение. 13. Апельсин. 14. Актинид. 15. Пробисма. 18. Спутник. 20. Нирголь. 21. Трупаля. 22. Валик. 23. Истра. 28. Ауриг. 27. Аппарат. 28. Карель. 31. Шеголов. 32. Канатина. 33. Пекан. 35. Наманган. 36. Трапезнич. 37. Предпалатка.

По вертикали:

1. Клавесин. 2. Отгис. 3. Трюль. 4. Квадрия. 6. Руберонд. 7. Ляолеум. 10. Силхронизатор. 11. Термодинамика. 12. Семипалатинск. 16. Синополь. 17. Волондар. 19. Атамет. 21. Терек. 24. Триютаж. 25. Оратория. 29. Колинцев. 30. Вальсфель. 33. Платон. 34. Нарзан.

УХОДЯТ КАПИТАНЫ

Слова Сергея ВОЛЬСКОГО Музыка Сергея ВЕТРОВА

С неба подмигнула путеводная звезда.
Не печалься, мама, ведь поздно или рано
Нас уводит из дому заветная мечта:
В дальний путь когда-нибудь уходят капитаны.

Принево:
Кто виноват
В том, что дома нам тесно!
Белый фрегат
Из далекого детства.
Буря назло он спешит сквозь туманы,
В дальние страны, в дальние страны.

Девочка, с которой мы играли во дворе,
Ты прости, так вышло нечаянно-нежданно —

С детством и с тобою я прощусь на заре:
В дальний путь когда-нибудь уходят капитаны.

Принево:
Маленький берег детства, я вернусь к тебе опять,
Все твои закаты храню в неугасно:
Если штормовые ветры бедлам грозят,
Сам за штурвалю тогда борусь капитаном.

Принево:
Кто виноват
В том, что дома нам тесно!
Белый фрегат
Из далекого детства.
Буря назло он спешит сквозь туманы
В дальние страны, в дальние страны.

Полоски с цифрами уложите друг на друга так, чтобы цифры от 0 до 9 повторились дважды.

2. Каким из шести отрезков заполнить образовавшийся изгиб в прямоугольнике А?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧУ «СМЕНИ» № 7

2. 20 квадратов.

СВЕТАЯ ЖИВОПИСЬ ВИТРАЖА

Витраж — это картина или орнаментальная композиция, выполненная из стекла. «Светлая живопись» известна с глубокой древности. Композиции из цветных стекол, скрепленные свинцовыми переплетом, находились при раскопках Помпей и в древней столице галлов.

В средние века витраж широко использовался в церковной архитектуре. Полумрак костелов, неясно озаренный цветным свечением витражей, помогал создать религиозно-мистическое настроение.

В наши дни искусство витража переживает как бы второе рождение. Его специфика как нельзя более пришлась современной архитектуре, где широко используется стекло. Витраж обрел новую тематику и новое назначение. Витражные композиции украшают музеи и театры, клубы и санатории, гостиницы и станции метрополитана. Современная техника значительно расширила возможности художников-витражистов. Они могут теперь не только «собирать» из стеновых элементов свои картины, но и использовать живопись на стекле, применяя различные химические и механические способы нанесения изображений. Куски стекла не только скрепляются металлическими рамами, но и сплавляются. Значительно расширили цветовую палитру современных мастеров новые методы стекловарения и окраски стекла.

За последние годы много интересных работ создали витражисты Литвы. Наши читатели могут убедиться в этом и на примере тех репродукций, которые мы здесь помещаем. Произведения, созданные художниками А. Иацкевичюте, С. Линаускайте, К. Морунасом и А. Гарбаускасом по мотивам литовской народной сказки «Эгла — королева ушей», украшают бюрро в курортном городе Друскининкай. Прозрачное стекло, цветное стекло словно бы оживляет таинственный и красочный мир народной сказки...

Алексей НИКОЛАЕВ

